

«Замечательная литература. Мне нравятся эти книги».
Стивен Кинг



И С Ч Е З Н О В Е Н И Е

МАЙКЛ ГРАНТ

18+

Исчезновение

Майкл Грант

Исчезновение

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Сое)-44

Грант М.

Исчезновение / М. Грант — «Издательство АСТ»,
2008 — (Исчезновение)

ISBN 978-5-17-113675-8

В мгновение ока все исчезли. Кроме молодых. Остались дети, подростки. И ни одного взрослого. Также внезапно исчезли телефоны, интернет, телевидение. И помощи ждать не от кого. И нельзя выяснить, что же случилось. Угрожает голод. Верховодят хулиганы. Жуткое создание притаилось неподалеку. Животные мутируют. Да и сами подростки меняются, развивая новые таланты – невообразимые, опасные, смертельные силы – которые усиливаются день ото дня. Это устрашающий новый мир. Стороны выбраны, грядет битва. Маргиналы против золотой молодежи. Хулиганы против слабаков. Могущественные против бессильных. А время на исходе: в свой пятнадцатый день рождения ты исчезнешь, как и все остальные...

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(4Сое)-44

ISBN 978-5-17-113675-8

© Грант М., 2008

© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Глава 1. 299 часов, 54 минуты	7
Глава 2. 298 часов, 38 минут	12
Глава 3. 298 часов, 05 минут	18
Глава 4. 297 часов, 40 минут	22
Глава 5. 291 час, 07 минут	27
Глава 6. 290 часов, 07 минут	31
Глава 7. 289 часов, 45 минут	36
Глава 8. 287 часов, 21 минута	40
Глава 9. 277 часов, 06 минут	43
Глава 10. 274 часа, 27 минут	49
Глава 11. 273 часа, 39 минут	53
Глава 12. 272 часа, 47 минут	59
Глава 13. 258 часов, 59 минут	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

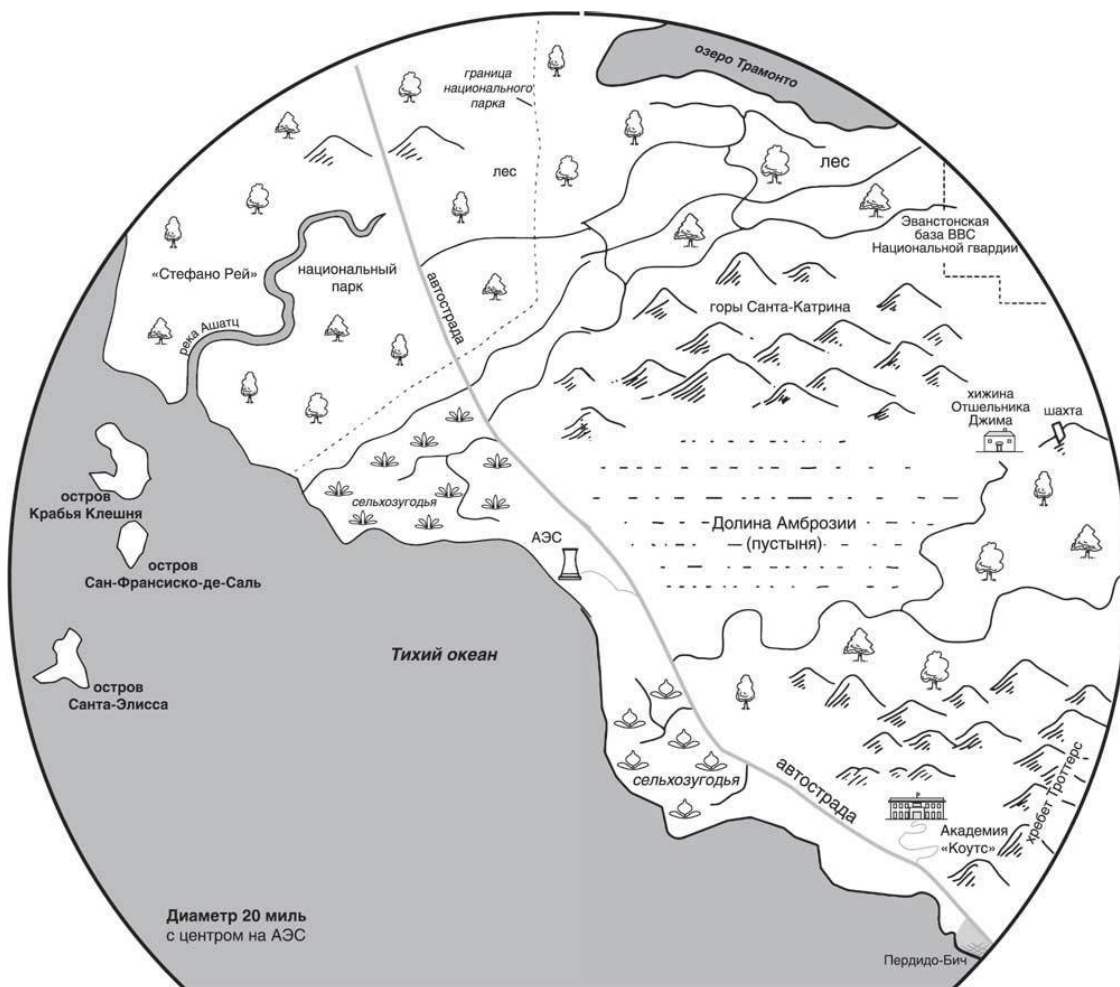
Майкл Грант Исчезновение

Michael Grant
Gone

© 2008 by Michael Grant
© С. Резник, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*У маленькой девочки была некая сила.
Такая же, кстати, как у Сэма. Ну, или похожая.
Сила, которая позволила ему в момент паники создать невозможный свет.
Сила, которую он однажды использовал и чуть не угробил человека.
Сила, которая убила ту, кого он пытался спасти.
И Сэм был не одним таким. Он отнюдь не был единственным здесь уродом.
Есть, – ну, или была, – ещё одна такая же.
Почему-то эта мысль не успокаивала.*



Глава 1. 299 часов, 54 минуты

МИНУТУ НАЗАД учитель рассказывал о Гражданской войне, и вдруг исчез.

Да, иначе и не скажешь.

Исчез.

Никаких тебе «хлоп!». Никаких вспышек. Никаких взрывов.

Сэм Темпл сидел за партой, рассеянно глядя на доску. Шёл третий урок. История. Мыслями Сэм был далеко: на пляже, вместе с Квинном, в руках у них – доски для сёрфинга, и оба они вопят, восторженно предвкушая первое погружение в холодные воды Тихого океана.

Сначала он решил, что исчезновение учителя ему пригрезилось. Замечтался, что называется. Сэм повернулся к Мэри Тетрафино, сидевшей слева:

– Ты это тоже видела, да?

Мэри пристально смотрела туда, где только что стоял учитель.

– Хм-м, а где мистер Трентлейк? – подал голос Квинн Гейтер, лучший, а, может быть, и единственный, друг Сэма, сидевший прямо позади него.

Они оба предпочитали парты у окна, поскольку если приглядеться, то в узком просвете между школьными зданиями и жилыми домами можно было заметить далёкую серебристую ленточку моря.

– Вышел, наверное, – сказала Мэри, похоже сама не веря собственным словам.

Эдилио, новичок, которого Сэм считал потенциально интересным, возразил:

– Ничего подобного. Фьють, – и нету! – он прищёлкнул пальцами, весьма точно и наглядно описав произошедшее.

Одноклассники переглядывались, так и этак вытягивали шеи и нервно хихикали. Никто почему-то не испугался, не заплакал. Скорее, им было весело.

– То есть, мистер Трентлейк испарился? – уточнил Квинн, едва сдерживая смех.

– Эй! – воскликнул кто-то. – А где Джош?

Все начали оглядываться.

– А он сегодня вообще был?

– Был, был. Сидел тут рядом со мной.

Сэм узнал голос Бетти. Козочки Бетти.

– Понимаете, – продолжила та, – он тоже испарился. Точь-в-точь как мистер Трентлейк.

Дверь открылась, все головы повернулись на звук. Наверняка, сейчас войдут мистер Трентлейк с Джошем и объяснят им свой фокус с исчезновением, а потом учитель вновь заведёт шарманку о Гражданской войне, до которой никому нет дела.

Однако никакой это был не мистер Трентлейк. В класс вошла Астрид Эллисон по прозвищу Астрид-Гений, которое она заслужила тем, что... одним словом тем, что была гением. Девчонка занималась на всех углублённых курсах, которые только имелись в школе, а кроме того – дистанционно училась в университете.

У Астрид были светлые волосы до плеч, она любила носить накрахмаленные белые блузки с короткими рукавами, всегда притягивающие взгляд Сэма. Он понимал, что Астрид была слишком хороша для него, но мечтать-то никому не запрещено, правда?

– Где ваш учитель? – спросила Астрид.

Все дружно пожали плечами.

– Испарился, – сообщил Квинн так, словно углядел в этом нечто забавное.

– А в коридоре его разве нет? – поинтересовалась Мэри.

Астрид покачала головой.

– Происходит что-то странное. Наш математический кружок... Нас было четверо, вместе с учительницей. Они все исчезли.

– Чего-чего? – воскликнул Сэм.

Астрид в упор посмотрела на него. Он не смог отвернуться, как делал обычно, потому что в её взгляде сейчас не было ни скептицизма, ни вызова: один только страх. Голубые глаза Астрид, пронизательные и острые, были распахнуты так широко, что отчётливо виднелись белки.

– Они пропали. Они просто... исчезли.

– А ваша учительница? – спросил Эдилио.

– Тоже исчезла.

– Исчезла?

– Испарилась, – вновь произнёс Квинн уже серьёзнее, похоже, начал понимать, что ничего весёлого не происходит.

До Сэма донёлся какой-то далёкий звук. Точнее, – множество звуков: в городе завывали автомобильные сигнализации. Он поднялся и, чувствуя себя немного неловко, словно занимался не своим делом, двинулся на деревянных ногах к двери. Астрид посторонилась, пропуская его. Проходя мимо, он почувствовал запах её шампуня.

Выйдя, Сэм посмотрел налево, в сторону кабинета 211, где занимались зубрилы-математики Астрид. Тут из кабинета 213 выглянуло детское личико, испуганное и в то же время счастливое, какое бывает, когда скатываешься вниз с американских горок.

Справа, из кабинета 207, послышался громкий смех. Слишком громкий. Пятиклашки. Из кабинета 208 внезапно выбежали трое шестиклассников и застыли, точно громом поражённые, уставившись на Сэма. Наверное, решили, что он начнёт их ругать.

Школа Пердидо-Бич была маленькой, и все, от подготовительного класса до девятого, учились в одном здании. Старшие классы общеобразовательной школы приходилось посещать в Сент-Луисе, что в часе езды от Пердидо-Бич.

Сэм направился к кабинету Астрид. Она и Квинн пошли за ним. Комната пустовала. Никого не было ни за учительским столом, ни за партами, лишь на трёх из них лежали раскрытые учебники математики и тетрадки. Шесть выставленных в ряд стареньких «Макинтошей» поблёскивали выключенными экранами. На доске мелом было чётко выведено: «Полин».

– Она исчезла, не дописав слово «полином», – пояснила Астрид шёпотом, словно они находились в церкви.

– Я так и понял, – сухо ответил Сэм.

– У меня как-то раз был полином, – встрял Квинн. – Но врач его удалил.

– Она исчезла, когда писала букву «о». Прямо на моих глазах, – продолжила Астрид, проигнорировав вялую попытку Квинна пошутить.

Сэм неуверенно показал на кусочек мела, валяющийся на полу в том самом месте, где его должен был уронить человек, писавший слово «полином», – что бы оно не означало, – и исчезнувший прямо на букве «о».

– Всё это ненормально, – сказал Квинн.

Он был выше и сильнее Сэма, хотя как сёрфер Сэм ему не уступал. Квинн с его вечной полубезумной усмешкой и экстравагантными нарядами, иначе и не скажешь, производил странное, отталкивающее, если не пугающее впечатление. Сегодня он вырядился в мешковатые шорты, армейские ботинки, купленные на распродаже, розовую рубашку-поло и серую фетровую шляпу, которую откопал на чердаке у дедушки. Квинн был сам себе голова, поэтому, наверное, они с Сэмом и спелись.

Сэм Темпл старался держаться в тени. Джинсы, неяркие футболки, в общем, ничего такого, что привлекает внимание. Почти всю жизнь он прожил в Пердидо-Бич и посещал эту школу. Его знали многие, однако мало кто мог с уверенностью сказать, что он собой представляет. Сэм увлекался сёрфингом, но с другими сёрферами не водился. Он был смышлёным, но звёзд с неба не хватал. Симпатичным, но не настолько, чтобы девчонки вешались на шею.

Единственное, что в школе совершенно точно знали о Сэме, это его кличку: Сэм-Школьный-Автобус, которую он получил в седьмом классе. Они тогда ехали на экскурсию, и у шофёра случился сердечный приступ. Прямо на автостраде. Сэм смог стащить водителя с кресла и остановить автобус у обочины, после чего невозмутимо позвонил в 911 по сотовому шофёра. Промедли он хоть миг, и автобус рухнул бы с обрыва в океан. Фотографию Сэма даже напечатали в газете.

– Получается, что два ученика и учительница исчезли. Осталась одна Астрид, – подвёл итог Сэм. – Да, брат, это действительно ненормально.

Он постарался произнести её имя небрежно, как ни в чём не бывало, но ему это удалось не вполне. Всегда с ней так.

– Ага, здесь и впрямь пустовато, – ответил Квинн. – Окей, кажется, я готов проснуться. Голос Квинна был теперь абсолютно серьёзным. И тут кто-то завопил.

Они втроём бросились в коридор. Там уже было полно детей. Вопила шестиклашка по имени Бекка. В руке она сжимала сотовый.

– Они не отвечают! – кричала она. – Никто мне не отвечает! Никто!

Несколько секунд все молчали. Затем послышался шорох и клацанье, за которым последовал перестук десятков пальцев по кнопкам.

– Сигнала нет, что ли?

– Моя мама должна быть дома, она бы обязательно ответила. Телефон даже не звонит.

– Господи, и интернет пропал. Сеть есть, а интернета нет.

– У меня – три «палки».

– И у меня, а толку?

Кто-то заплакал. Звук был тоскливым, от него по спине Сэма поползли мурашки. Все заговорили одновременно, то и дело срываясь на крик.

– Звони в 911! – требовал испуганный голос.

– А я куда звоню, балда?

– И что? Не отвечают?

– Нет. Я уже половину списка быстрого набора обзвонил, везде облом.

Коридор заполнился детьми, словно на перемене. Но никто не спешил на следующий урок, не затевал игры, не возился с замком у шкафчика. Никто не знал, что делать. Все просто стояли, как стадо баранов, готовых в любой момент обратиться в паническое бегство.

Прозвеневший звонок показался неестественно громким. Школьники вздрогнули, точно услышали его впервые.

– Что же делать? – спросили сразу несколько голосов.

– Звонок же прозвенел! Значит, в учительской кто-нибудь есть! – крикнул кто-то.

– Это таймер сработал, кретин, – отозвался Говард.

Говард был мелким слизняком, зато – главным прихлебателем у Орка, а сам Орк – злющим мерзавцем-восьмиклассником, которого побаивались даже девятиклассники. Гора жира и мышц. Никто не посмел одёрнуть Говарда: обидеть Говарда было всё равно что напасть на самого Орка.

– В учительской есть телевизор, – сказала Астрид.

Сэм и Астрид побежали к учительской, Квинн – за ними. Спустились по лестнице. На этом этаже кабинетов было меньше, а, следовательно, – поменьше и встревоженных учеников. Сэм взялся за ручку двери учительской, и тут они трое заколебались.

– Нам же нельзя туда входить, – озвучила мысль Астрид.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Квинн.

Сэм толкнул дверь. В учительской имелся холодильник. Сейчас он стоял нараспашку, рядом валялась баночка с черничным йогуртом «Данон», её липкое содержимое растеклось по потёртому ковровину. Телевизор работал, картинки не было, только статический шум. Сэм

огляделся в поисках пульта. Где же он? Квинн разыскал пульт и принялся переключать каналы. Ничего. Ничего. Ничего, одни помехи.

– Может, кабель выпал? – предположил Сэм, уже понимая, что сморозил глупость.

Астрид пошарила за телевизором, покрутила коаксиальный кабель. Экран мигнул, помехи немного изменились, но когда Квинн переключил канал, там снова ничего не было. Ничегошеньки.

– Ведь девятый ловится всегда, даже без кабеля, – удивился Квинн.

– Учителя, некоторые ученики, кабельное телевидение, интернет, сотовая связь, – начала перечислять Астрид. – И всё это пропало разом? – она задумчиво нахмурилась.

Квинн с Сэмом терпеливо ждали, вдруг ей удастся что-либо придумать, и она сейчас воскликнет: «Ну, разумеется! Я поняла!» Это же Астрид-Гений, в конце концов. Но всё, что она сказала, было:

– Бессмыслица какая-то.

Сэм снял трубку стационарного телефона.

– Гудка нет. А радио у них здесь есть?

Радио не оказалось. Дверь хлопнула, в учительскую вбежали двое пятиклассников, оба взъерошенные и возбуждённые.

– Школа – наша! – завопил один, а другой радостно заулюлюкал. – Мы хотим вскрыть автомат с конфетами!

– Думаю, не стоит, – сказал Сэм.

– Ты не имеешь права указывать, что нам делать! – воинственно, хотя и несколько неуверенно, ответил пацан.

– Ты прав, чувачок. Слушай, давай-ка держать себя в руках, пока не выясним, что происходит? Идёт? – попытался урезонить мальчишку Сэм.

– Сам держи себя в руках! – крикнул тот, а его товарищ вновь заулюлюкал, и оба убежали.

– Наверное, было бы неэтичным попросить их принести мне «Твикс», – пробормотал Сэм.

– Пятнадцать, – сказала Астрид.

– Да, ну! Какие там пятнадцать. Им лет по десять, не больше, – возразил Квинн.

– Не им. Ребятам из математического кружка, Джинку и Майклу. В математике-то они асы, но оба – дислексики с особыми образовательными потребностями, из-за чего и подтормаживали. Они немного старше меня. Мне единственной из всего кружка четырнадцать.

– По-моему, Джошу тоже было пятнадцать, – сказал Сэм.

– И что? – упорствовал Квинн.

– А то. Ему было пятнадцать, и он... исчез. Раз – и нету.

– Чушь, – замотал головой Квинн. – Хочешь сказать, что исчезли все взрослые и все ученики от пятнадцати и старше? Чушь!

– Причём, не только в школе, – добавила Астрид.

– Чего?! – Квинн так и взвился.

– Телефоны, телевизор, – напомнила она.

– Нет, нет и нет! – Квинн затряс головой, на губах застыла кривая усмешка, словно он услышал дурную шутку.

– Моя мама, – прибавил Сэм.

– Парень, немедленно прекрати это, понял? Мне уже не смешно, – огрызнулся Квинн.

Сэм впервые ощутил панику, по спине пополз предательский холодок. Сердце билось так, будто он только что пробежал кросс, в горле застрял комок, дышалось с трудом. Посмотрел в лицо друга. Никогда прежде он не видел Квинна настолько испуганным. Его глаза прятались за тёмными очками, но губы явственно дрожали, а шея покрылась красноватыми пятнами. Астрид была вроде бы спокойна, она задумчиво хмурилась, пытаясь найти смысл в происходящем.

– Надо посмотреть, как оно там, снаружи, – произнёс Сэм.

Квинн издал странный всхлип и развернулся, собираясь бежать. Сэм схватил его за плечо.

– Отвали! – рявкнул Квинн. – Я – домой! Надо проверить!

– Нам всем надо проверить, – твёрдо сказал Сэм. – Мы пойдём вместе.

Квинн задёргался, но Сэм держал крепко.

– Вместе, Квинн. Слушай, это же вроде как с доски свалиться, понимаешь? Что ты делаешь, когда волна сбивает тебя с борда?

– Стараюсь не заводиться, – прошептал Квинн.

– Вот именно. Тебя крутит, а ты держишь голову высоко, верно? И плывёшь на свет.

– Метафоры сёрфингистов? – хмыкнула Астрид.

Квинн перестал сопротивляться и судорожно вздохнул.

– Ладно, проехали. Ты прав. Пойдём вместе. Только сперва ко мне. Ну, и каша! Нет, какая же дурацкая каша заварилась.

– Астрид! – нерешительно окликнул девочку Сэм.

Захочет она пойти с ними или нет? Ему показалось, что спросить её прямо будет чересчур самонадеянно, а не спрашивать вообще – неприлично.

Она уставилась на Сэма так, словно пыталась что-то прочесть в его лице. И тут он понял, что Астрид-Гений не больше него самого знает, что делать и куда идти. Это было невероятным.

Из коридора доносился гул голосов. Громкий, встревоженный гомон. Возможно, всем казалось, что пока они болтают, всё будет хорошо, главное – не останавливаться. Кое-кто дико орал, и звучало это страшновато. Жуткие звуки пугали уже сами по себе.

– Ты с нами, Астрид? – спросил Сэм. – Вместе безопаснее.

При слове «безопаснее» девочка поёжилась, но потом кивнула.

Да, в школе теперь было опасно. Испуганные люди, даже дети, способны на страшные поступки. Сэм знал это по собственному опыту. Страх – опасен. Страх причиняет людям боль. А сейчас школа была под завязку наполнена безумным страхом.

Случилось что-то поистине ужасное, и жизнь в Пердидо-Бич покатила под откос.

Оставалось надеяться, что он, Сэм, в этом не виноват.

Глава 2. 298 часов, 38 минут

МАЛЕНЬКИМИ ГРУППКАМИ или поодиночке дети покидали школу. Некоторые девочки шли по трое, всхлипывая и обнимая друг друга. Мальчишки хорохорились, но тоже горбились и сжимались, словно опасаясь, что небо вот-вот упадёт им на головы. Многие были в слезах.

Сэму припомнились виденные в новостных выпусках репортажи о стрельбе в школах. Было очень и очень похоже: сбитые с толку, перепуганные дети, бьющиеся в истерике или, напротив, пытающиеся скрыть её за смехом и напускной грубоватой смелостью.

Братья и сёстры или просто друзья держались вместе. Малыши из подготовительного и первоклашки бесцельно разбрелись по двору. Эти даже дороги домой толком не знали.

Дошкольники Пердидо-Бич обычно посещали детский сад «У Барбары», чьё здание в самом центре городка разрисовано было уже несколькими выцветшими персонажами мультиков. Оно располагалось напротив «Макдоналдса», рядом с магазином стройматериалов «Отлично сделано».

Сэм от всей души надеялся, что с дошколятами всё будет в порядке. Наверняка всё там обойдётся. В любом случае, это не его забота.

– Как думаете, с малышкой ничего не случится? – спросил он, словно кто-то тянул его за язык. – Они же могут уйти со школьного двора и попасть под машину.

Квинн остановился и осмотрелся. Впрочем, смотрел он не на детей, а вдоль улицы.

– Ты видишь хоть одну движущуюся машину?

Светофор перемигнулся с красного на зелёный. Никаких машин не было. Звуки сигнализаций сделались громче, выли сразу три или четыре автомобиля. А то и больше.

– Первым делом надо выяснить насчёт наших родителей, – рассудительно сказала Астрид. – Не может быть, чтобы взрослых вообще нигде не осталось, – неуверенно добавила она, потом поправилась: – В смысле, должны же где-либо быть взрослые?

– Точно, – поддержал её Сэм. – Обязательно должны!

– Моя мама сейчас либо дома, либо играет в теннис, – продолжила она. – Если, конечно, не отправилась в гости или ещё куда-нибудь в подобном роде. Мой младший брат может быть с ней, а может – с папой. Папа работает на электростанции.

Атомная электростанция Пердидо-Бич находилась всего в десяти милях от школы. Теперь-то это никого не беспокоило, хотя в девяностые годы там приключилась авария. Нелепая случайность, как тогда объяснили. Роковое стечение обстоятельств, один шанс на миллион. Не о чем волноваться.

Говорили, что именно из-за аварии на АЭС Пердидо-Бич так и остался маленьким городком, не доросшим до размеров Санта-Барбары, расположенной ниже по побережью. Местные называли Пердидо-Бич «Улицей Радиационных Осадков», и желающих здесь поселиться было немного, хотя все радиоактивные загрязнения давно подчистили.

Втроём они двинулись по Шеридан-авеню, свернули направо, на Аламеда-авеню. Длинноногий Квинн вышагивал впереди. На перекрёстке стояла машина с включённым двигателем, врезавшаяся во внедорожник «Тойота». Сигнализация последней как раз и выла, то стихая, то вновь принимаясь истошно визжать. В салоне виднелись сработавшие подушки безопасности, их раздувшиеся белые шары вяло свисали с руля и приборной панели.

Во внедорожнике никого не было. Из-под покорёженного капота сочилась струйка пара. Сэм кое-что заметил, и ему не хотелось говорить об этом вслух. Словно прочитав его мысли, Астрид сказала:

– Посмотрите на кнопки. Дверцы заперты изнутри. Если бы из машины кто-то вышел, они были бы открыты.

– Значит, кто-то вёл машину и исчез, – произнёс Квинн.
Веселья в его голосе больше не было. Шутки кончилось.

Дом Гейтеров располагался в двух кварталах отсюда, на Аламеда-авеню. Квинн ещё пытался крепиться и вести себя как ни в чём не бывало, в общем, – как старый добрый Квинн. И вдруг он сорвался на бег.

Сэм с Астрид бросились вдогонку, но куда там! С головы Квинна слетела шляпа, Сэм на бегу подобрал её. К тому времени, когда они добежали до дома, Квинн уже отпер дверь и скрылся внутри. Сэм и Астрид прошли в кухню.

– Мам! Пап! Эй, вы где? – раздавались со второго этажа вопли Квинна.

Крики становились всё громче и истеричнее, послышался отчётливый всхлип. Сэм с Астрид сделали вид, что ничего не заметили. Квинн сбежал вниз по лестнице, продолжая звать родителей. Ответом ему была тишина.

Свои тёмные очки он до сих пор не снял, и Сэм не мог видеть глаз друга. Однако по щекам Квинна текли крупные слёзы, голос то и дело срывался на плач. Сэм почти физически чувствовал ком, застрявший в горле Квинна, точно такой же был и у него самого. Не зная, чем помочь другу, он молча положил шляпу на кухонный стол.

Квинн, тяжело дыша, вошёл в кухню.

– Её нет. Её здесь нет. Сотовый не отвечает. Может, она оставила записку? Вы не видели записки? Поищите, пожалуйста, записка обязательно где-то должна быть.

Астрид щёлкнула выключателем.

– Электричество работает.

– Что, если они умерли? – спросил Квинн. – Нет, это невероятно. Наверняка мне снится кошмар, и я скоро проснусь. Потому что это... просто невозможно.

Он схватил телефонную трубку, нажал на кнопку вызова, прислушался. Вновь нажал и поднёс трубку к уху, потом принялся указательным пальцем набирать номер, бормоча что-то под нос. Наконец, оставил телефон в покое и уставился на него так, словно ожидал, что тот вот-вот зазвонит.

Сэму отчаянно хотелось пойти домой, узнать, что там, и в то же время он ужасно этого боялся. Но не бросать же, в самом деле, Квинна? Оставить его одного в пустом доме, всё равно что прямо сказать: твои родители исчезли.

– А я вчера вечером поругался с папой, – пожаловался Квинн.

– Не думай сейчас об этом, – посоветовала Астрид. – Пока нам известно только одно: мы в случившемся не виноваты. Не мы всё это устроили.

Она погладила его по плечу, и её прикосновение словно что-то надломило в Квинне. Он сорвал тёмные очки, швырнул их на кафельный пол и громко разрыдался.

– Всё будет хорошо, – промямлила Астрид, успокаивая, похоже, скорее себя, чем Квинна.

– Ага, – неубедительно поддакнул Сэм. – Конечно. Это просто какое-то... – он не знал, как закончить фразу.

– Может быть, такова Божья воля? – с надеждой произнёс Квинн, поднимая покрасневшие глаза. – Это всё сотворил Бог, – добавил он с каким-то остервенением.

– Может быть.

– А как же иначе? По-по-по... – он осёкся, прерывая паническое заикание. – Поэтому всё обязательно образуется, – продолжил он, явно воодушевляясь мыслью, что случившемуся есть объяснение. – Да, я уверен, всё будет хорошо. Обязательно.

– Теперь пойдём к Астрид, – предложил Сэм. – Она живёт ближе, чем я.

– Откуда ты знаешь, где я живу? – удивилась та.

Признаваться, что однажды он шёл за ней до самого дома, но так и не набрался духу ни заговорить, ни пригласить в кино, было не к месту.

– Видел тебя как-то, – пожал плечами Сэм.

Через десять минут они подошли к дому Астрид: новому, двухэтажному, с бассейном на заднем дворе. Семья Астрид не отличалась особым богатством, однако их дом был куда красивее, чем у Темплов. Сэм жил в похожем прежде, чем ушёл отчим, – не богачей, конечно, но у него была хорошая работа.

Дома у Астрид Сэм почувствовал себя странно. Всё там казалось милым и немного необычным. Чистота и идеальный порядок, причём, на виду не было ничего, обо что можно пораниться. Уголки столешницы – прикрыты пластмассовыми накладками, розетки – специальными заглушками, кухонные ножи лежали за стеклом в буфете, запертом на специальный, недоступный для малышей замок. Ручки плиты тоже имели защиту от детей.

– Это не для меня, – холодно пояснила Астрид, заметив его взгляд. – Это для малыша Пита.

– Я понял. Он же у вас... – Сэм запнулся, подбирая слово.

– Аутист, – небрежно закончила за него Астрид, будто в болезни брата не было ничего особенного. – Ну, вот, и здесь никого нет, – объявила она.

По её спокойному тону можно было заключить, что именно этого она и ожидала.

– А где же твой братик? – спросил Сэм.

И тут самообладание Астрид дало сбой. Она закричала. Сэм и не представлял, что Астрид может так кричать.

– Я не знаю, понял? Я понятия не имею, где мой брат!

Она судорожно прижала ладонь ко рту.

– Позови его, – посоветовал Квинн подчёркнуто-официальным, уравновешенным тоном.

Похоже, Квинн начал стыдиться, что перед тем психанул, но и в себя окончательно ещё не пришёл.

– Позвать, говоришь? – сквозь зубы процедила Астрид. – Он не отзовётся. У него же аутизм. В тяжёлой форме. Он не... не контактирует с людьми. И мне не ответит, ясно? Я могу хоть целый день орать.

– Ничего, Астрид, сейчас мы всё выясним, – торопливо проговорил Сэм. – Если он здесь, мы его найдём.

Астрид кивнула, сдерживая слёзы.

Они обыскали дом сверху до низу. Заглянули подо все кровати, во все шкафы. Потом отправились к соседке через улицу, которая иногда сидела с малышом. Там тоже никого не было. Они обшарили каждую комнату, и Сэм почувствовал себя грабителем.

– Брат мог быть либо с мамой, либо папа взял его с собой на работу. Родители всегда так делают, если Пита не с кем оставить.

В голосе Астрид Сэм уловил отчаяние. С момента исчезновения взрослых прошло около получаса. Квинн впал в панику, даже Астрид едва не утратила выдержки. Ещё не наступило время обеда, а Сэм уже подумывал о том, что будет ночью. Дни стояли короткие: наступило десятое ноября, до Дня благодарения – рукой подать. Дни – скоротечны, ночи – длинные.

– Давайте не тормозить, – сказал он. – Астрид, не волнуйся за малыша Пита. Мы обязательно его найдём.

– Ты говоришь для проформы или слово даёшь? – уточнила она.

– Извини, не понял?

– Нет, это ты меня извини. Я имела в виду, ты правда сможешь мне найти Пита?

– Разумеется.

Сэму хотелось добавить, что он готов помогать ей всегда и во всём, но не решился. Поэтому он просто направился домой. Сэм несколько не сомневался, что именно там обнаружит, вернее, – не обнаружит, однако должен был пойти и проверить. А заодно – глянуть ещё кое-что. Он должен был убедиться, что не спятил.

Удостовериться, что эта штука до сих пор там.

Творилось полное безумие. Вот только для Сэма оно началось намного раньше, чем для других.

Лана уже, наверное, в сотый раз оглядывалась на собаку в кузове.

– Он в порядке, не дёргайся, – сказал Люк, её дедушка.

– А вдруг он спрыгнет?

– Он, конечно, тупой, что есть, то есть, но вряд ли до такой степени.

– Патрик вовсе не тупой. Он очень умный пёсик.

Лана Арвен Лазар сидела на переднем сиденье побитого дедушкиного пикапа, когда-то – ярко-красного. Патрик, её палевый лабрадор, находился в кузове: уши развевались по ветру, язык – высунут.

Патрик получил своё имя в честь Патрика Морской Звезды, не блещущего умом персонажа из мультфильма «Губка Боб». Брать пса в кабину дедушка отказался наотрез.

Заиграло кантри, – дедушка включил радио. Он был ужасно старым. У других детей дедушки и бабушки выглядели гораздо моложе. Даже вторые дедушка и бабушка самой Ланы, те, что жили в Лас-Вегасе. Лицо у дедушки Люка всё сморщилось, точно сумочка из жатой кожи. И оно, и руки были тёмно-коричневые. Отчасти – от загара, отчасти потому, что он был индейцем из племени чумашей. Дедушка носил пропотевшую соломенную шляпу и солнечные очки.

– А чем мне там заниматься? – спросила Лана.

– Да чем хочешь, – дедушка резко крутанул руль, объезжая выбоину.

– У тебя же ни телика нет, ни видео, ни интернета.

Так называемое ранчо дедушки Люка стояло наособицу, сам он был беден, и единственным достижением современных технологий в его доме являлся древний радиоприёмник, принамавший, к тому же, одну-единственную религиозную станцию.

– Ну, ты ведь захватила с собой книжки, верно? Еще можешь прибраться в конюшне или сходить в холмы, – он кивнул за окно. – Оттуда открывается красивый вид.

– Я видела там койота.

– Койты – безобидны. В основном. Старый братец койот слишком умён, чтобы лезть к людям.

Слово «койот» он выговаривал, растягивая гласные, так что получалось «кай-оут».

– Я, что, должна буду проторчать тут ещё целую неделю? – спросила Лана. – Не перебор? Я уже домой хочу.

– Твой отец застукал тебя, когда ты тайком выносила его водку какому-то засранцу, – старик даже не взглянул на неё.

– Тони не засранец! – вспыхнула Лана.

Дедушка выключил радио и менторским тоном произнёс:

– Мальчик, который подбивает девочку на нехорошие поступки, – самый настоящий засранец.

– Если бы я этого не сделала, он бы воспользовался фальшивым удостоверением личности и мог попасть в беду.

– В яблочко. Пятнадцатилетний пацан, хлещущий водку, надевает бед, это уж точно. Я сам начал пить аккуратно в твоём возрасте, четырнадцать мне было. И что? Три десятка лет – псу под хвост, утопил жизнь на дне бутылки. Но, благодаря Господу Богу и твоей бабушке, да упокоится её душа с миром, я не пью уже тридцать один год, шесть месяцев и пять дней, – он вновь включил радио.

– Угу. А ещё благодаря тому, что до ближайшего винного магазина тебе пилить десять миль.

– А то! – захохотал дедушка. – Это, знаешь ли, тоже помогает.

По крайней мере, чувство юмора у него имелось.

Подпрыгивая на ухабах, пикап ехал вдоль пересохшей балки футов в сто глубиной. Дно её было песчаным, склоны поросли полынью, чахлыми сосенками, кизилом и жухлой травой. Дедушка говорил, что несколько раз в год, когда идёт дождь, балка наполняется водой, превращаясь чуть ли не в речку. Верилось с трудом. Лана лениво скользила взглядом по крутому склону.

Ни с того, ни с сего пикап вильнул и съехал с дороги. Лана уставилась на пустое водительское сиденье, где секунду назад сидел дедушка. Он пропал.

Пикап же нёсся вниз. Ремень безопасности врезался в грудь. Скорость всё нарастала. Машина налетела на молодое деревце и сломала его.

Подняв тучу пыли, пикап подскочил, да так, что Лана ударилась затылком о подголовник, а плечом – о стекло. Зубы клацнули. Она дотянулась до руля, но тот так дёргался, что удержать его было невозможно. Пикап перевернулся и кубарем покатился под склон.

Ремень безопасности не выдержал, и беспомощную Лану бросало по кабине. Вращающееся рулевое колесо швыряло её туда-сюда, точно бельё в стиральной машине. Она стукнулась плечом о ветровое стекло, ручка переключения скоростей дубинкой ударила по лицу, зеркальце заднего вида – по макушке.

Наконец, пикап замер.

Лана лежала ничком, изогнувшись под невыносимым углом и разбросав в стороны руки и ноги. Ноздри забились пылью, во рту ощущался вкус крови. Один глаз не открывался. Другим глазом она увидела то, что сначала показалось ей лишённым всякого смысла. Лана лежала вверх тормашками и смотрела на кактус, росший под прямым углом.

Надо было выбирать. Кое-как сориентировавшись, она потянулась было к двери. Правая рука не двигалась. Лана опустила взгляд и завизжала.

Рука больше не была прямой. Она немного изгибалась между запястьем и локтем, образовав широкую букву «V», да ещё и перекрутилась так, что ладонь смотрела в обратную сторону. Острые осколки сломанных костей выпирали из-под кожи.

Лану охватила паника. Боль была настолько сильной, что её глаза закатились, и она потеряла сознание. Увы, ненадолго.

Лана очнулась от боли в руке, в левой ноге, в голове и шее. Её вырвало на то, что прежде было подголовником сиденья.

– Помогите, – хрипло пробормотала она. – Кто-нибудь, помогите мне!

Но даже в помрачённом состоянии девочка понимала, что помощи ждать неоткуда. Она находилась за много миль от Пердидо-Бич, где её семья жила год назад, до того, как перебраться в Лас-Вегас. Дорога никуда не вела, кроме дедушкиного ранчо. Машины здесь проезжали дай бог если раз в неделю: какой-нибудь заблудившийся турист или старуха, игравшая в шашки с дедушкой Люком.

– Скоро я умру, – сообщила Лана пустоте.

Однако пока ещё она не умерла, и боль не собиралась утихать. Значит, надо было выбираться из пикапа.

Патрик! Что случилось с Патриком? Лана попыталась позвать пса, но тот не откликнулся.

Ветровое стекло всё пошло трещинами и прогнулось. Извернуться и выбить его здоровой ногой не получилось. Единственный оставшийся выход наружу – дверца водителя. Лана знала, что попытка изменить позу будет сопровождаться невыносимой болью.

И тут появился Патрик. Ткнулся своим чёрным носом в её нос и жалобно заскулил.

– Хороший мальчик, – сказала она.

Пёс завил хвостом. От Патрика не приходилось ожидать, что он резко поумнеет и примется совершать подвиг, вытаскивая хозяйку из-под дымящихся обломков пикапа. Однако он пробыл с ней весь этот чёртов час, в течение которого она выползала наружу.

Наконец, Лана вытянулась на земле в тени кустиков полыни. Патрик облизал ей лицо. Здоровой рукой она ощупала свои раны. Один глаз заливала кровь из пореза на лбу. Нога – вывихнута, если не сломана, можно считать, что её нет. В нижней части спины, там, где почки, сильно болело. Верхняя губа онемела. Лана выплюнула осколок зуба.

Хуже всего дело обстояло с правой рукой. Девочка так и не набралась смелости поглядеть на неё. Попыталась поднять и тут же отказалась от этого намерения: боль сделалась непереносимой.

На какое-то время Лана опять потеряла сознание. Потом пришла в себя. Солнце безжалостно палило, Патрик свернулся клубком у неё под боком. В небе, распластав чёрные крылья, кружило с полдюжины грифов, предвкушая поживу.

Глава 3. 298 часов, 05 минут

– СМОТРИТЕ, ФУРГОН! Ещё одна авария, – сказал Сэм, указывая на фургончик курьерской службы «FedEx», прорвавший живую изгородь и врезавшийся в вяз на чьём-то дворе.

Двигатель ещё работал.

По дороге они встретили двух детей, четвероклассника и его младшую сестрёнку, вяло перебрасывающих друг другу мячик на газоне.

– Мама нет дома, – сообщил мальчик, – а мне надо на урок музыки. Я учусь играть на фортепиано. Только дороги не знаю.

– А мне – на танцы, – прибавила девочка. – Нам дадут костюмчики для концерта. Я буду божьей коровкой.

– Вы знаете, как пройти на площадь? Ту, что в центре города? – спросил Сэм.

– Думаю, да, – ответил мальчик.

– Идите туда.

– Нам нельзя уходить из дома, – встряла младшая.

– Наша бабушка живёт в Лагуна-Бич, – сказал её брат. – Наверное, она могла бы нас забрать, только я не могу до неё дозвониться. Телефон сломался.

– Знаю. Идите пока на площадь, хорошо?

Дети недоумённо уставились на Сэма.

– Эй, выше нос! – решил он подбодрить их. – У вас дома есть мороженое или печенье?

– Думаю, да.

– Почему бы вам не съесть по печеньке, а потом не прогуляться до площади?

– Печеньки? – хмыкнула Астрид. – Считаешь, это выход из положения?

– Нет, наилучшим выходом было бы сбежать на пляж, спрятаться там и подождать, пока всё не утрясётся. Но печенье в любом случае не повредит.

И они втроём пошли дальше. Дом Сэма находился в восточной части города. Они с мамой снимали старый, приземистый одноэтажный домик, с огороженным задним двориком и даже без газона, вместо которого сразу же начинался тротуар. Мама работала ночной медсестрой в «Академии Коутс» и денег получала немного. Отца давным-давно след простыл, кем тот был, Сэм понятия не имел. А в прошлом году выбыл из игры и отчим.

– Вот наше скромное обиталище, – объявил Сэм. – Мы, знаете ли, не любим пускать пыль в глаза.

– Да ладно, зато вы живёте рядом с пляжем, – отмахнулась Астрид, указав на единственное преимущество его дома.

– Ага, в двух минутах ходьбы. Даже меньше, если срезать путь через двор байкерской банды.

– В каком смысле, банды? – удивилась Астрид.

– Ну, не то чтобы настоящей банды. На самом деле там живут Киллер и его подружка Подельница. Извини, я пошутил, – добавил он, видя, как нахмурилась Астрид. – Просто соседи у нас те ещё.

Добравшись, наконец, до дома, Сэм обнаружил, что ему ужасно не хочется входить. Матери наверняка нет. Зато может быть то, чего Квинну и Астрид, – в особенности Астрид! – лучше не видеть.

Он поднялся по трём скрипучим деревянным ступеням, выкрашенным серой, давно выцветшей краской. Крыльцо было узеньким. Раньше там стояло кресло-качалка, на котором мать сидела по вечерам перед работой, но два месяца назад кресло кто-то украл. Теперь им приходилось вытаскивать на крыльцо кухонные стулья.

Обычно эти часы были любимым временем дня у Сэма: он возвращался домой из школы, мама ещё была не на работе, но уже отоспавшейся после ночной смены. Она пила чай, Сэм – лимонад или фруктовый сок. Мама интересовалась, как прошёл день, Сэм – рассказывал. Рассказывал, конечно, далеко не всё, но приятно было знать, что при желании с ней вполне можно поделиться.

Сэм отпер дверь. Внутри было тихо, лишь тархтел холодильник, старый и довольно шумный. Когда они в последний раз сидели на крыльце, закинув ноги на перила, мать как раз размышляла, починить ли компрессор или дешевле купить подержанный холодильник, и как, в таком случае, привезти его домой без грузовика.

– Мам! – позвал Сэм в пустой гостиной.

Никто не отозвался.

– Может, она на вершине холма? – предположил Квинн.

«Вершиной холма» местные именовали «Академию Коутс», – частную школу-интернат. В действительности, холм больше смахивал на настоящую гору.

– Нет, – отрезал Сэм. – Она исчезла, как и все прочие.

На включённой горелке кухонной плиты стояла почерневшая пустая сковорода. Он выключил плиту и сказал:

– С этим в городе могут быть проблемы.

– Верно. Включённые плиты, неуправляемые машины, – согласилась Астрид. – Кто-то должен обойти дома и убедиться, что всякое такое выключено, а маленькие дети – под присмотром. А ведь есть ещё лекарства, спиртное, у некоторых – оружие.

– У моих соседей не просто оружие, а целый оружейный склад, – заметил Сэм.

– Это всё Божий промысел, правда? – спросил Квинн. – В смысле, кому ещё такое под силу? Ну, устроить так, чтобы все взрослые исчезли?

– Все от пятнадцати и старше, – поправила его Астрид. – В пятнадцать лет человек ещё не взрослый. Уж ты мне поверь, я с ними в одном классе учусь, – она робко прошла по гостиной, словно ища что-то. – Сэм, можно я воспользуюсь вашей ванной?

Он нехотя кивнул, чувствуя себя униженным. Ни Сэм, ни его мать не увлекались домашним хозяйством. У них было более или менее чисто, но с домом Астрид не сравнить. Астрид закрыла за собой дверь ванной комнаты. В раковине зашумела вода.

– В чём же мы провинились? – спросил Квинн. – Вот чего я не могу понять. За что Бог прогневался на нас?

Сэм открыл холодильник. Молоко, пара банок лимонада, половинка небольшого арбуза, лежащего разрезом вниз на тарелке. Яйца, яблоки. Лимоны к чаю для мамы. Всё как всегда.

– Ведь должны же мы были где-то оплошать, а? – продолжал нудеть Квинн. – Бог никогда ничего не делает просто так.

– Вряд ли это Бог.

– А кто ж по-твоему, балда?

Вернулась Астрид.

– Знаешь, Сэм, может быть, Квинн и прав. По крайней мере, я не вижу ни единой естественной причины для подобного происшествия. А ты? Всё это лишено всякого смысла, невозможно, и тем не менее, – произошло.

– Невозможное тоже иногда случается, – возразил Сэм.

– Ничего подобного, – заспорила Астрид. – Вселенная существует по определённым законам, которые мы изучаем на естествознании. Всякие там законы движения, скорость света, гравитация. Невозможное невозможно потому, что не может произойти, и точка. Вот что означает это слово, – Астрид закусил губу. – Извините, меня занесло, теперь не время для абстрактных рассуждений.

Сэм замялся. Если он сейчас им это покажет, тем самым – пересечёт черту. Они не отстанут от него, пока всё не выведают. Будут смотреть на него иначе. Придут в ужас, так же, как и он сам.

– Мне надо переодеть рубашку. Я только схожу в свою комнату и вернусь. В холодильнике есть лимонад, угощайтесь.

Сэм запер за собой дверь. Он ненавидел свою комнату. Окно выходило на улицу, стекло в нём было мутным, почти непрозрачным, из-за чего даже в солнечный день в комнате стоял сумрак, а ночью – полная темнота, хоть глаз выколи.

Сэм ненавидел темноту.

Уходя на работу, мама запирала входную дверь на ключ, приговаривая: «Ты у меня, конечно, уже большой и вообще хозяин в доме, но мне будет спокойнее, если дверь заперта». Сэм терпеть не мог, когда она называла его «хозяином». Что же, вот он и в самом деле стал хозяином дома.

Хозяин, как же!

Наверное, она ничего такого в виду и не имела, хотя... Прошло восемь месяцев после ухода отчима. Полгода назад они вынуждены были переехать в эту халупу в подозрительном районе, и матери пришлось пойти на низкооплачиваемую работу в самые неудобные часы.

Два дня назад, во время ночной грозы, пропало электричество, и Сэм на некоторое время очутился в полной темноте, если не считать кратких вспышек молний, в свете которых привычная обстановка комнаты приобретала жуткий вид.

Ему удалось задремать, однако его разбудил очередной громовой раскат. Из приснившегося кошмара Сэм вынырнул в беспросветную темноту пустого дома.

Это оказалось слишком. Сэм позорно расплакался и принялся звать мамочку. Здоровый, крепкий четырнадцатилетний, даже почти пятнадцатилетний уже парень плакал в темноте и звал маму. Он вытянул руку, словно пытаясь отогнать мрак, и...

И вдруг увидел свет.

Его источник находился вроде бы внутри шкафа, и в то же время – не совсем. Если закрыть дверцу, он всё равно оказывался снаружи, словно никакой дверцы не было. Сэм решил прикрыть дверцу, но не закрывать её полностью, а поверх – завесить рубашкой. Это почти прятало свечение. Однако жалкий обман долго продержаться не мог, рано или поздно мама всё обнаружила бы... Ну, то есть обнаружит, когда вернётся.

Сэм резко распахнул дверцу. Маскировка упала.

Свет был на месте.

Крошечный, ярко светящийся шарик. Он неподвижно висел прямо в воздухе, ни к чему не привязанный. Не лампочка, нет. Просто шарик чистейшего света.

Это было невозможно. Совершенно невозможно. И, тем не менее, – было. Свет возник в тот миг, когда Сэм в нём нуждался, и не исчезал.

К нему можно было даже прикоснуться. Точнее, – как бы прикоснуться: пальцы проходили насквозь, ощущая тепло, не горячее воды в кране.

– Да, Сэм, дружище, – сказал он самому себе, – свет до сих пор здесь.

Астрид и Квинн полагали, что всё и началось только сегодня, но Сэм знал больше них. Его жизнь начала разваливаться на куски восемь месяцев назад. Затем вроде немного срослась. А потом ему явился свет.

Четырнадцать лет нормальной жизни в какой-то момент покатались под откос, пока не врезались в сегодняшний кошмар.

– Сэм! – донёсся из-за двери голос Астрид.

Он воровато оглянулся, испугавшись, что она сейчас войдёт и увидит свет. Торопливо накинув рубашку на дверцу шкафа, Сэм вышел к товарищам.

– Твоя мама что-то писала на ноутбуке, – сообщила Астрид.

– Почту, наверное, проверяла, – сказал он, садясь за стол.

Однако посмотрев на экран, обнаружил, что открыт не браузер, а текстовый редактор. Что-то вроде дневника, на странице – всего три параграфа:

«Прошлой ночью всё повторилось. Хотелось бы мне пойти с этим к Г., но та решит, что я свихнулась. Ещё работу потеряю. Она посчитает меня наркоманкой. Если бы я могла установить камеры видеонаблюдения, у меня были бы доказательства. Однако доказательств нет, а «мать» К. – богата и делает щедрые пожертвования АК. Мне просто укажут на дверь. Расскажи я всю правду, и на меня мигом навесят ярлык спятившей от забот мамыши.

Рано или поздно, сам К. или кто-нибудь другой натворят бед. Кто-то пострадает. Как Т. от С.

Может, прямо поговорить с К.? Нет, вряд ли он признается. Сказать ему или нет? Будет ли это иметь значение?»

Сэм уставился на экран. Файл сохранён не был. Осмотрев «рабочий стол» ноутбука, он обнаружил папку, озаглавленную «Журнал». Кликнул по ней. Она оказалась защищена паролем. Если бы мама сохранила этот файл, он тоже оказался бы запаролен.

«АК» – это, скорее всего, «Академия Коутс». «Г», вероятно, – имя директора школы, Грейс. «С»... Ну, это просто. Это он сам. А кто такой «К»? Сэм не сводил глаз с фразы «Как Т. от С.». Она, казалось, дрожала под его взглядом.

Астрид, стоявшая за спиной Сэма, наверняка тоже всё прочитала. Она пыталась вести себя ненавязчиво, но определённо всё прочитала.

– Идёмте, – Сэм решительно захлопнул крышку ноутбука.

– Куда? – спросил Квинн.

– Куда угодно, лишь бы подальше отсюда, – ответил Сэм.

Глава 4. 297 часов, 40 минут

– ПОЙДЁМТЕ на площадь, – сказал Сэм, закрыл входную дверь, запер замок и сунул ключ в карман.

– Зачем? – спросил Квинн.

– Затем, что именно там, скорее всего, соберутся остальные, – ответила Астрид. – Где ещё-то? Разве что в школу вернутся. Если кто-то что-нибудь узнал, или где-то остались взрослые, они наверняка пойдут на площадь.

Пердидо-Бич располагался на мысу, к юго-западу от прибрежной автострады, к северу от которой уходили вверх бурые, в пятнах зелени, холмы. Двумя грядами они протянулись к самому океану на северо-западе и юго-востоке от городка, словно очерчивая его границы.

В Пердидо-Бич жило около трёх тысяч человек. Теперь, впрочем, гораздо меньше. Ближайший торговый центр находился в Сан-Луисе, а торговый комплекс побольше – в двадцати милях ниже по побережью. С севера горы подступали так близко к морю, что там осталась лишь узкая полоска берега, на которой и возвели атомную электростанцию. За ней лежали земли национального парка, где росли вековые секвойи.

В общем, Пердидо-Бич оставался сонным городишкой с прямыми, обсаженными деревьями улицами, со старомодными бунгало, оштукатуренными в испанском стиле и с рыжими черепичными крышами, двускатными или, напротив, – плоскими, как блин.

Перед большинством домов зеленели газоны, усердно подстригаемые хозяевами, а позади – огороженные дворики. В микроскопическом «деловом центре», сердцем которого была площадь, обрамлённая пальмами, не было никаких проблем с парковкой.

В южной части Пердидо-Бич имела гостиница, на холме торчала «Академия Коутс». Ну, и АЭС по соседству, разумеется. Остального бизнеса было негусто: магазин хозяйственных товаров «Отлично сделано», «Макдоналдс», кофейня «Здесь был Боб», закусочная «Сабвей», несколько мелких лавчонок, продуктовый магазин да автозаправка «Шеврон» на автостраде.

Чем ближе Сэм, Астрид и Квинн подходили к площади, тем больше встречали детей, направлявшихся туда же. Словно все разом решили собраться вместе. Сила – в единстве. А, может быть, виной тому была пустота домов, внезапно переставших быть настоящими домами?

За полквартала до площади Сэм почувствовал запах дыма и увидел бегущих детей.

Площадь была небольшой, скорее, она напоминала участок парка: несколько клумб, посередине – фонтан, который, правда, почти никогда не работал, скамейки, урны и мощёные дорожки.

Над всем этим возвышалось скромное здание муниципалитета, рядом – притулилась церковь. По периметру располагались магазинчики, некоторые – давным-давно закрытые. Над лавчонками помещались квартиры. Дым шёл из окна второго этажа над бывшим цветочным магазином и захудалым страховым агентством. Когда Сэм, задыхаясь, добежал, высокое окно как раз лизнул язык оранжевого пламени.

Вокруг глазели несколько десятков детей. Их толпа поразила Сэма своей необычностью. Он не сразу понял, что здесь не так. На площади собрались только дети, ни одного взрослого.

– Там кто-нибудь есть? – громко спросила Астрид.

Ей никто не ответил.

– 911 не отвечает, – наконец, сказал кто-то.

– Если огонь распространится, выгорит полгорода.

– Где же пожарные?

Ответом было беспомощное пожатие плеч.

Детский сад делил стену с хозяйственным магазином, от пожара их отделял лишь узкий переулок. Сэм прикинул, что если действовать немедленно, они успеют вывести малышей. Однако и магазин нельзя было ни в коем случае потерять.

Остальные просто стояли и таращились, никто, похоже, не собирался ничего предпринимать.

– Значит, так, – объявил Сэм, хватая за рукава двух полузнакомых ему ребят. – Вы, парни, идёте сейчас в детсад и выводите малышня.

Пацаны тупо уставились на него, даже не пошевелившись.

– Я сказал, немедленно! Марш! – рявкнул он, и они побежали. – Теперь ты и ты! – он спал ещё двоих. – Принесите из магазина самый длинный шланг, какой найдёте. Да, и насадку для распыления захватите. Думаю, в переулке найдётся водопроводный кран. Поливайте водой стену магазина и крышу.

Мальчишки пялились на него пустыми глазами.

– Парни! Это надо сделать не завтра! Сейчас! Прямо сейчас! Быстро! Квинн, тебе лучше пойти с ними. Надо хорошенько намочить стену магазина, иначе огонь перекинется на него.

Квинн замялся.

Сэм понял, что до них ещё ничего не дошло. Как они могли просто стоять, разинув рты, и не соображать, что надо действовать? Он протолкался сквозь толпу и закричал:

– Эй, слушайте сюда! Это вам не Диснейленд! Мы должны что-то делать! Взрослых больше нет, нет пожарных! Мы теперь сами пожарные!

К нему подошёл Эдилио.

– Сэм, ты прав. Что нужно делать, говори! Я – с тобой.

– Отлично. Квинн! На тебе – магазин. Эдилио, давай притащим из пожарного депо большие шланги и подсоединим их к гидранту.

– Они тяжёлые. Нам понадобится несколько крепких парней.

– Ты, ты, ты и ты, – Сэм хватал каждого из мальчишек за плечо и малость встряхивал, приводя в чувство. – Вперёд! И ещё ты. Пошли.

И тут раздался крик. Сэм так и застыл.

– Там кто-то есть! – прохныкала какая-то девочка, и все загомонили.

– Тихо! – цыкнул на них Сэм и прислушался.

Сквозь треск пламени и вой отдалённых сирен до него едва слышно донеслось:

– Мама! Мамочка!

– Мне страшно, мамулечка! – передразнил кто-то фальцетом.

Орк. Ну, разумеется. Кому ещё придёт в голову смеяться в такой ситуации?

Другие дети попятились от него.

– Ну? Вы чего? – фыркнул тот.

– Спокойствие, только спокойствие! – осклабился Говард, как всегда болтавшийся рядом со своим дружкой. – Сейчас Сэм-Школьный-Автобус всех спасёт! Правда, Сэмми?

– Эдилио, отправляйтесь в депо, – ровным голосом произнёс Сэм. – Принесите всё, что нужно.

– Чувак, ты только не вздумай туда соваться, – сказал Эдилио. – У пожарных есть баллоны со сжатым воздухом и всё такое. Подожди, я мигом!

Эдилио убежал, уводя свою команду крепких парней.

– Эй! Там, наверху! – завопил Сэм. – Детка! Ты можешь подойти к двери или окну?

Вытянув шею, он не сводил глаз с окон второго этажа. Их было семь: шесть – на фасаде здания, одно – в переулке. Пламя виднелось в крайнем левом, но из соседнего уже тоже валил дым. Пожар распространялся.

– Мамочка! – вновь послышался детский голосок.

Очень чистый голосок. Ребёнок ещё не кашлял от дыма. Пока не кашлял.

– Если ты пойдёшь внутрь, тебе надо обернуть лицо вот этим, – Астрид протянула ему мокрую тряпку.

Где только раздобыла?

– Разве я сказал, что туда пойду?

– Будь осторожен.

– Своевременный совет, – сухо сказал Сэм и обмотал лицо мокрой тканью, прикрыв нос и рот.

– Послушай, Сэм, – Астрид вцепилась ему в локоть, – убивает не огонь, убивает дым. Если ты слишком долго будешь им дышать, твои лёгкие отекут, наполнятся жидкостью.

– «Слишком долго», это сколько? – глухо спросил он из-под тряпки.

– Не знаю, Сэм. Я же не всезнайка, – Астрид слабо улыбнулась.

Сэму ужасно захотелось взять её за руку. Он был испуган, ему нужна была поддержка. Он очень хотел взять Астрид за руку. Но времени на это не было. Поэтому он только выдавил:

– Ну, где наша не пропадала.

– Давай, Сэм! – завопил кто-то, подбадривая его, и крик подхватил дружный хор голосов.

Парадный вход был не заперт. Внутри обнаружились почтовые ящики, чёрная дверь цветочного магазина и узкая лестница на второй этаж.

Сэм уже почти поднялся, когда его накрыло одеялом густого, клубящегося дыма. Мокрая тряпка помогала мало. Один глубокий вдох, – и Сэм рухнул на колени, задыхаясь и кашляя. Из глаз потекли жгучие слёзы. Он пригнулся к самому полу, где оставалось немного воздуха.

– Детка, ты меня слышишь? – хрипло позвал он. – Кричи! Я должен понять, где ты!

На сей раз вопль «Мамочка!» слышался слабее, откуда-то слева, из глубины коридора, ведущего в другую часть здания. Сэму подумалось, что ребёнок вполне мог бы выпрыгнуть из окна им на руки. Глупо было погибать, когда малыш мог просто спрыгнуть.

Невыносимо вонючий дым был повсюду. В нём ощущалась какая-то кислятина, вроде прокисшего молока.

Сэм на четвереньках пополз вперёд. Окружающее выглядело неестественным и жутким, за исключением истоптанной ковровой дорожки. Она была нормальной: выцветший восточный узор, размахившиеся края, крошки, дохлый таракан. Свет лампочки над головой едва просачивался сквозь зловещую серую муть. Дым сгущался, опускаясь всё ниже, словно стремился раздавить Сэма. Приходилось пригибаться к самому полу ради глотка воздуха.

Квартир было шесть или семь. Определить, где находился ребёнок, не представлялось возможным: малыш замолчал. Скорее всего, горела квартира справа от него. Из-под той двери валил плотный дым, яростный, как горный поток. Счёт, похоже, шёл не на минуты, а на секунды.

Сэм перекатился на спину. Дым из-под двери напоминал теперь водопад, перевёрнутый вверх тормашками. Сэм обеими ногами ударил в дверь. Та, запертая на замок, только затряслась. Чтобы выбить её, требовалось встать, прямо в смертоносный дым.

Сэм был ужасно испуган. Где же эти люди, когда они так нужны? Где взрослые? Почему испытание выпало ему, Сэму? Он ведь ещё сам ребёнок. Почему не нашлось кого-то другого, достаточно же сумасшедшего, чтобы ломануться в горящее здание? Сэм был чертовски зол на них, и если Квинн был прав, и всё это устроил Бог, то и на Бога тоже.

Но что если во всём этом виноват он, Сэм? Что если происходящее – его рук дело? Тогда... в таком случае, злиться ему не на кого, кроме самого себя.

Набрав в грудь побольше воздуха, Сэм вскочил на ноги и со всей силы ударил в дверь. Та не поддавалась. Он ударил ещё раз. Тщетно.

Ударил вновь. Ужасно хотелось вдохнуть, но вокруг был только дым. Дым лез в нос, в глаза, ослеплял. Сэм в отчаянии навалился на дверь, и та распахнулась. С размаху влетев внутрь, он не удержался на ногах и упал.

Дым, заполнявший комнату, повалил в коридор, точно лев, вырвавшийся из тесной клетки. На несколько секунд воздух у пола очистился, Сэм смог вдохнуть и едва не закашлялся. Он знал, что если не сможет задержать дыхание, умрёт.

В разошедшемся на миг дыму мелькнуло помещение, точно небо – в просвете туч. На полу лежала хрипящая девочка, совсем маленькая, лет пяти.

– Я пришёл, – полузадушенно проговорил Сэм.

Видок, наверное, у него был тот ещё. Представить только, из клубов дыма появляется тёмная фигура, вся в саже и копоти, с замотанным тряпкой лицом. Судя по всему, девочка приняла его за чудовище, иначе объяснить дальнейшее Сэм не мог. Едва взглянув на него, малышка в панике вскинула ручки, и из пухлых ладошек вырвалась струя чистого пламени.

Пламя. Из крошечных детских ладошек. Настоящее пламя!

И направлено оно было прямо в Сэма.

Лишь чудом не задев его, струя огня с рёвом пронеслась мимо головы и врезалась в стену за спиной. Что-то вроде напалма, желеобразного бензина, жидкого пламени. Оно растеклось по стене, жадно её пожирая. На мгновение Сэм застыл в немом изумлении.

Бред какой-то. Это же невозможно!

Малышка опять испуганно завизжала и подняла ручки. На этот раз она не промахнётся. Теперь-то она его точно прикончит.

Не раздумывая, повинувшись инстинкту, Сэм тоже вытянул руки ладонями вперёд. И вспыхнул свет, словно взрыв сверхновой звезды. Девочка повалилась на спину. Весь трясаясь, Сэм подполз к ней. Ему хотелось орать, желудок скрутило, в голове билось: «Нет-нет-нет-нет-нет!»

Он подхватил малышку, от всей души надеясь, что она не очнётся прямо у него в руках, и вместе с тем страшась, что она вообще не очнётся. Кое-как поднялся на ноги.

Со звуком, напоминающим звук разрываемой картонной коробки, стена перед ним начала обваливаться. Штукатурка осыпалась, открывая деревянную дранку и брус. Огонь уже поедал внутренности стены.

На Сэма пахнуло жаром, как из открытой духовки. Астрид сказала, что убивает не огонь. Она, наверное, просто не видела такого огня. Даже не догадывалась, что маленькая девочка может извергать пламя из собственных ладоней.

Малышка неподвижно лежала у него в руках. Огонь был повсюду: справа, слева, подступал со спины. У Сэма обгорели ресницы, ещё чуть-чуть, – и он просто поджарится.

Окно!

Сэм кинулся к окну. Бросив ребёнка, словно куль картошки, на пол, обеими руками ударил по раме. Вокруг за клубился дым, огонь устремился к новому источнику кислорода.

Сэм нашарил в дыму девочку и поднял её. И вдруг, словно по волшебству, появилась пара рук, забирая у него ребёнка. Руки, возникшие из дымной завесы, казались чем-то сверхъестественным.

Сэм рухнул на подоконник, свесившись из окна. Кто-то схватил его, поволок наружу и вниз. Голова Сэма безвольно стучалась о ступеньки алюминиевой лестницы, но ему было плевать. Главное, тут был воздух, было светло, а сквозь слёзы он мог видеть голубое небо.

Эдидио с помощью мальчика по имени Джоэль опустил Сэма на тротуар.

Кто-то принялся поливать его водой из шланга. Они, что, думают, он горит? Или действительно горит? Сэм открыл рот и принялся жадно глотать холодную воду, омывавшую его лицо.

Остаться в сознании ему всё же не удалось. Он вырубился. Поплыл на спине, покачиваясь на волнах. Рядом была мама. Сидела прямо на воде, подтянув ноги к груди и уперев подбородок в колени. На Сэма она не смотрела.

– Что? – спросил он её.

– Пахнет жареным цыплёнком.

– Чего-чего?

Мама протянула руку и больно ударила его по щеке. Сэм открыл глаза.

– Извини, – сказала Астрид. – Должна же я была привести тебя в чувство.

Она стояла на коленях рядом с ним, прижимая что-то к его рту. Пластиковая маска.

Кислород.

Сэм закашлялся, вдохнул, затем сорвал маску, приподнялся, и его вырвало на обочину тротуара, будто пьяного в подворотне. Астрид деликатно отвернулась. Стыдно станет Сэму потом, а прямо сейчас он испытывал облегчение. Затем вновь лёг и надел маску.

Квинн держал садовый шланг. Эдилио торопливо прилаживал пожарный рукав к гидранту. Из рукава вылилась тонкая струйка. Эдилио налёг на разводной ключ, открывая гидрант, и вода забила фонтаном. Дети, державшие брандспойт, сражались со шлангом, словно с огромным удавом. При других обстоятельствах, это выглядело бы смешно.

Сэм сел и, всё ещё не в силах заговорить, кивнул на группку детей, собравшихся вокруг маленькой поджигательницы. Она была чёрной. Во всех смыслах: чернокожая девочка, вся покрытая сажей. У одного виска её волосы обгорели, на другом сохранилась тоненькая косичка с розовой резинкой.

Едва взглянув на детей, стоявших на коленях, Сэм всё понял. Но он должен был спросить. Вместо слов из горла вырвалось какое-то карканье.

– Мне очень жаль, Сэм, – Астрид покачала головой.

Он кивнул.

– Наверное, её родители оставили включённой плиту, – предположила Астрид. – Наиболее вероятная причина пожара. Ну, или зажжённая сигарета.

«Нет, – подумал Сэм. – *Вовсе нет*».

У маленькой девочки была некая сила. Такая же, кстати, как у Сэма. Ну, или похожая.

Сила, которая позволила ему в момент паники создать невозможный свет.

Сила, которую он однажды использовал и чуть не угробил человека.

Сила, которая убила ту, кого он пытался спасти.

И Сэм был не одним таким. Он отнюдь не был единственным здесь уродом. Есть, – ну, или была, – ещё одна такая же.

Почему-то эта мысль не успокаивала.

Глава 5. 291 час, 07 минут

НА ПЕРДИДО-БИЧ опустилась ночь.

Автоматически зажглись уличные фонари, но они не столько разгоняли мглу, сколько сгущали тени на испуганных лицах.

На площади собралось около ста детей. Почти у всех в руках были шоколадки и лимонад. Маленький магазинчик, торговавший в основном пивом и кукурузными чипсами, был разграблен дочиста. Сэм тоже подцепил себе арахисовый батончик «Пэйдэй» и банку «Доктора Пеппера». К тому времени, когда он добрался до полок, всё остальное, типа «Твиксов» и «Сникерсов», уже расхватали. Сэм оставил на прилавке два доллара, а едва отвернулся, деньги исчезли.

Прежде чем огонь был потушен, дом успел выгореть наполовину. Крыша обвалилась, как и часть пола второго этажа. Первый этаж более или менее сохранился, хотя стёкла витрин изнутри почернели от копоти. Дым до сих пор сочился тонкими зловонными струйками.

Однако хозяйственный магазин и детский сад они отстояли. Тело девочки так и лежало на тротуаре. Кто-то накрыл его одеялом, и Сэм был благодарен неизвестному доброму самаритянину.

Они с Квинном сидели на траве, глядя на неработающий фонтан. Квинн, обхватив колени, раскачивался туда-сюда.

Подошла Козочка-Бетти и, переминаясь с ноги на ногу, встала перед Сэмом. С ней был её младший брат.

– Сэм, как ты думаешь, у нас дома безопасно? Надо же нам куда-то пойти спать.

– Бетти, я знаю не больше твоего, – пожал он плечами.

Она кивнула, ещё немного потопталась и отошла.

Все скамейки были заняты. Кое-кто натянул между ними простыни, соорудив что-то вроде вислых палаток. Одни дети вернулись в свои опустевшие дома, другие же остались на площади: кому-то из них было уютнее в компании, кто-то просто желал быть в курсе событий.

Подошли двое незнакомых мальчишек, кажется, – пятиклассников.

– Сэм, ты не знаешь, что будет дальше?

– Не имею понятия, парни, – ответил он.

– А что нам теперь делать?

– Наверное, надо продержаться какое-то время. Ну, вы меня понимаете.

– В смысле, здесь продержаться?

– Здесь. Или в ваших домах. Почему бы вам не лечь спать в собственных постелях?

Главное, чтобы вы были спокойны.

– А мы вовсе и не боимся.

– Да ну? – недоверчиво переспросил Сэм. – Везёт. А я, вот, боюсь так, что уже обмочился.

– Врёшь ты всё! – засмеялся один из мальчишек.

– Вру. Но страх – это нормально, парни. Здесь сейчас все испуганы, все до одного.

То же самое повторилось множество раз. Дети подходили к Сэму, задавали вопросы, на которые у него не было ответов. Он же хотел, чтобы его оставили в покое.

Орк с приятелями притащили из магазина садовые стулья и расселись посреди того, что совсем недавно было самым оживлённым перекрёстком Пердидо-Бич. Они устроились прямо под светофором, продолжающим переключаться с красного на жёлтый, потом на зелёный, и всё по новой.

Говард бранил кого-то из мелких «шестёрок». Тот принёс из магазина брикет для камина и попробовал разжечь костёр. Орковы прихлебатели набрали там деревянных топорищ и бейсбольных бит, а теперь безуспешно пытались их подпалить.

Кроме того, они прихватили металлические пруты и молотки, которые держали при себе.

Сэм не заговаривал о маленькой девочке, лежащей на тротуаре. Если бы он это сделал, ему пришлось бы что-то предпринять. Копать могилу, хоронить, читать Библию или хотя бы сказать несколько слов. Он даже не знал её имени. И, похоже, никто не знал.

Астрид появилась где-то через час, после того, как отправилась на поиски брата:

– Я нигде не могу его найти! Пити нигде нет, и никто его не видел.

– Глотни лимонада, – Сэм протянул ей банку. – Я за него заплатил. По крайней мере, попытался.

– Обычно я такое не пью.

– Ну, так сходи, поищи себе чего-нибудь «обычного», – вдруг вспыхнул Квинн.

На Астрид он даже не смотрел. Его взгляд беспорядочно метался. Квинн казался до странности голым без своих тёмных очков и шляпы. Состояние друга начинало беспокоить Сэма. Из них двоих чаще всего именно Сэм был донельзя серьёзен.

– Спасибо, Сэм, – Астрид взяла банку, пропустив грубость Квинна мимо ушей, сделала глоток, но садиться не стала. – Некоторые говорят, что это был какой-то военный эксперимент, пошедший наперекосяк. Или нападение террористов. Может, быть, – инопланетяне. А то и сам Господь. Куча гипотез и ни одного доказательного ответа.

– Ты, что, веришь в Бога? – требовательно спросил Квинн, явно нарываясь на ссору.

– Да, – ответила Астрид. – Однако в бога, который заставляет людей исчезать ни с того, ни с сего, – нет, не верю. Бог есть любовь. То, что происходит у нас, на любовь совсем не похоже.

– Угу, – согласился Сэм. – Какой-то кошмарный пикник.

– Полагаю, это случай так называемого висельного юмора? – продолжила Астрид. – Извините, – сказала она, заметив непонимающие взгляды Сэма и Квинна, – у меня есть пагубная привычка анализировать то, что говорят люди. Вам придётся либо смириться, либо перестать со мной общаться.

– Лично я склоняюсь ко второму, – пробормотал Квинн.

– Что такое висельный юмор? – спросил Сэм.

– Виселица – приспособление для умерщвления людей через повешение. Временами, когда человек испуган или нервничает, он начинает шутить. Другие, впрочем, в такой ситуации становятся педантами, – грустно добавила она. – Если вам неизвестно значение слова «педант», могу подсказать: в толковом словаре рядом с соответствующей статьёй – моя фотография.

Сэм засмеялся. И тут к ним подошёл малыш лет пяти, прижимающий к груди серого плюшевого мишку с печальной мордочкой.

– Вы не знаете, где моя мама?

– Нет, детка, извини, мы не знаем, – ответил Сэм.

– А вы не можете позвонить ей по телефону? – голос малыша дрожал.

– Телефоны не работают.

– Ничего не работает! – рявкнул Квинн. – Всё сломалось, и мы здесь одни.

– Хочешь, я открою тебе один секрет? – сказал Сэм, обращаясь к мальчику. – В детском саду есть печенки, спорим? Во-он там, только через дорогу перебежать.

– Мне нельзя бегать через дорогу.

– Сейчас можно. Я сам за тобой присмотрю.

Малыш хлопнул носом и побрёл к садику, обнимая своего медведя.

– Сэм, дети идут к тебе, – сказала Астрид. – Они ждут, что ты чем-нибудь им поможешь.

– Чем, например? Всё, что я могу, это предложить им пожевать печенка, – резковато ответил он.

– Спаси их, Сэм, – с горечью в голосе произнёс Квинн. – Спаси их всех.

– Они испуганы, так же, как и мы, – сказала Астрид. – Не осталось никого, кто бы ими управлял. Они чувствуют в тебе лидера. Они смотрят только на тебя.

– Какой я лидер? Я такой же перепуганный и потерянный пацан.

– Но во время пожара ты знал, что делать, – настаивала Астрид.

Сэм рывком вскочил на ноги. Это был просто выброс нервной энергии, однако несколько десятков лиц сразу же обратились к нему. Дети смотрели с ожиданием. Сэм почувствовал комок в горле. Даже Квинн глядел на него с надеждой.

Сэм чертыхнулся под нос, потом возвысил голос так, чтобы слышали окружающие:

– Слушайте, всё, что нам сейчас остаётся, это держаться и не сдаваться. Кто-нибудь наверняка знает о случившемся, и помощь придёт. Давайте сохранять хладнокровие, не делать глупостей, помогать друг другу и не бояться.

К его удивлению, по толпе прокатился гул голосов: дети передавали друг другу слова Сэма, точно это была некая гениальная истина.

– «Нам нечего бояться, кроме самого страха», – прошептала Астрид.

– То есть?

– Это слова президента Рузвельта, которые он произнёс в годы Великой Депрессии, повергшей в страх всю страну, – объяснила Астрид.

– Единственный плюс от всей этой катавасии был в том, что я избавился от уроков истории, – заметил Квинн. – Так нет же! Уроки истории лично явились за мной.

Сэм облегченно рассмеялся. Не бог весть какая шутка, но, похоже, к другу возвращалось чувство юмора.

– Я должна найти брата, – сказала Астрид.

– Где он мог находиться? – спросил Сэм.

Девочка беспомощно пожала плечами. Она выглядела продрогшей в своей тонкой блузке, и Сэм пожалел, что у него нет куртки, чтобы ей одолжить.

– С кем-нибудь из родителей. Либо папа взял его с собой на работу, либо мама – на теннисные корты. В «Вершины».

«Вершины» были тем самым отелем, расположенным на берегу, рядом с любимым пляжем Сэма, где они с Квинном занимались сёрфингом. Собственно в отеле он никогда не был, даже за ворота не заходил.

– По-моему, отель – наиболее вероятное место, – продолжила Астрид. – Ужасно не хочется вас беспокоить, но вы не могли бы сходить туда со мной?

– Прямо сейчас? – недоверчиво воскликнул Квинн. – Ночью?

– Всё лучше, чем тупо торчать здесь, – возразил ему Сэм. – Вдруг у них телевидение работает?

– Слышал я, жратва там – высший сорт, – Квинн со вздохом протянул руку, и Сэм помог другу встать.

Они миновали сбившихся в кучки детей. Кто-нибудь то и дело окликал Сэма и принимался расспрашивать о том, что происходит и что теперь делать. Он мог ответить только: «Держитесь. Всё будет хорошо. Считай, что у тебя каникулы, чувак, и наслаждайся жизнью. Лопай шоколадки от пуза, пока можешь. Скоро вернутся твои родители и мигом их отнимут». Дети кивали, смеялись, некоторые даже благодарили, как будто он их чем-то одарил.

Отовсюду Сэм слышал своё имя, обрывки разговоров: «...я был в том самом автобусе...» Или:

«...он прямо так и вбежал в горящий дом, прикинь?» Или: «Видишь? Сэм сказал, что всё будет хорошо...»

Горло у него сжалось. Да, ночная прогулка явно пойдёт ему на пользу. Хотелось убраться отсюда подальше, чтобы не видеть этих испуганных лиц и ждущих ответа глаз.

Они втроём прошли мимо перекрёстка, на котором обосновалась банда Орка. Жалкий костерок рассыпал искры, асфальт под ним уже оплавился. В сумке-холодильнике стояло шесть банок пива «Курз». Один из приятелей Орка, круглолицый здоровяк по кличке Коржик, выглядел уже здорово пьяным, даже позеленел.

– Эй, куда это вы направились? – окликнул их Говард.

– Прогуляться, – ответил Сэм.

– Два дурня-сёрфера и Астрид-Гений?

– Именно. Будем её учить седлать волну. А тебе что за дело?

Говард захихикал и оглядел Сэма с головы до ног.

– Думаешь, ты очень крутой, Сэм? Сэм-Школьный-Автобус, фу-ты, ну-ты. Лично мне на тебя начхать.

– Это ужасно. А я-то всю жизнь мечтал произвести на тебя выгодное впечатление.

– Ты должен нам что-нибудь принести, – крысиное личико Говарда приобрело хитрое выражение.

– Что ты городишь?

– Я, понимаешь ли, о чувствах Орка забочусь. И считаю, что ты должен что-нибудь ему принести оттуда, куда вы намылились.

Орк, развалившийся в садовом шезлонге, широко расставив ноги, не слишком прислушивался к их разговору. Его вечно мутные глаза блуждали неизвестно где. Однако услышав своё имя, он буркнул:

– Ага.

При звуках голоса вождя, несколько мальчишек из его шайки тоже заинтересовались Сэмом. Один, высокий и тощий, прозванный Пандой из-за тёмных кругов под глазами, угрожающе постучал по асфальту железным прутом.

– Это ты у нас, что ль, великий герой? – спросил он Сэма.

– Сами придумали и теперь носитесь с этой идеей.

– Нет-нет, ты ошибаешься, Панда! Только не наш Сэмми! Чтобы он считал себя лучше других? Да никогда, – Говард ухмыльнулся. – «Ты неси шланг, ты приведи деточек, сделайте то, сделайте это, я здесь самый главный, ведь я – Сэм-Сёрфермен», – противно передразнил он Сэма.

– Мы уходим, – произнёс Сэм.

– Не-не-не, – Говард показал пальцем на красный сигнал светофора. – Сперва вы должны дождаться, когда загорится зелёный.

Несколько томительно долгих секунд Сэм раздумывал, принять вызов или не связываться. Но тут светофор мигнул, переключаясь, Говард захохотал и махнул им рукой, чтобы проходили.

Глава 6. 290 часов, 07 минут

НЕСКОЛЬКО КВАРТАЛОВ шли молча. Чем ближе они подходили к берегу, тем темнее и пустынное становились улицы.

– Звуки приборя какие-то странные, – заметил Квинн.

– Да, монотонные, – согласился Сэм.

Ему мерещилось, что за ним следят, хотя они уже давно покинули площадь.

– Чудовищно монотонные, брат. Безжизненные. Что странно, ведь надвигается фронт низкого давления. Должна быть длиннопериодная зыбь. А тут плещет как в ванне.

– Ну, метеорологи тоже, бывает, ошибаются, – сказал Сэм, вслушиваясь в шорох волн.

Квинн куда лучше него разбирался в погоде. Вроде бы ритм действительно был странно-ватым, а вообще – черт его знает.

Там и сям мелькали пятна света. В окнах домов по левую руку или под уличными фонарями. Но в целом город был темнее, чем обычно. Стоял ранний вечер, только-только приближалось время ужина, и дома должны были быть ярко освещены. Между тем, горели только лампы, включающиеся автоматически, или те, которые забыли выключить. В одном из домов голубовато мерцал экран телевизора. Сэм осторожно заглянул в окно и увидел двоих детей, евших чипсы и пялившихся в пустой экран.

Все привычные звуки, на которые практически никогда не обращаешь внимания, исчезли. Не звонили телефоны, не фырчали машины, не звучали голоса. Лишь гулко раздавались их собственные шаги да отчётливо слышался каждый вздох. Когда вдруг громко залаяла собака, они даже подпрыгнули.

– Кто же будет его кормить? – спросил Квинн.

Сэм и Астрид промолчали. В городе оставались собаки, кошки, а ещё, наверняка, – младенцы в колыбельках. Буквально голова шла кругом. Думать обо всём этом не хотелось.

Прищурившись, чтобы не мешали городские огни, Сэм всмотрелся в холмы. Иногда там виднелись огни стадиона «Академии Коутс». Сегодня их, разумеется, не было. Одна мгла.

В глубине души Сэм не верил, что мама исчезла. Он не мог отделаться от мысли, что она просто как всегда ушла на работу, туда, наверх.

– По крайней мере, звёзды на месте, – сказала Астрид. – Ой, нет! Они есть только у нас над головой, а те, что над горизонтом, – исчезли. По-моему, там уже должна была появиться Венера, но я её не вижу.

Они остановились и принялись рассматривать горизонт. Теперь Сэм абсолютно ясно слышал, как странно, с регулярностью метронома, плещет приборя.

– Это полный бред, но горизонт кажется выше, чем обычно, – произнесла Астрид.

– Слушайте, кто-нибудь видел, как заходило солнце? – спросил Сэм.

Они не видели.

– Ладно, идём дальше, – предложил он. – Эх, надо было велики взять или скейты.

– Или машину, – поддакнул Квинн.

– Ты разве умеешь водить? – удивился Сэм.

– Ну, я видел, как это делается.

– А я видела по телевизору операцию на сердце. Это же не значит, что я стала кардиохирургом.

– Ты смотришь такое по телику? – Квинн покачал головой. – Что же, Астрид, это многое объясняет.

Здесь дорога сворачивала от берега и уходила вверх, к отелю. Сбоку, сквозь тщательно подстриженную живую изгородь светилась неоновая вывеска. Центральный вход мерцал огонь-

ками длинных гирлянд, будто на Рождество. Перед ним стояла пустая машина с открытой дверцей и багажником нараспашку. Чемоданы лежали на тележке носильщика.

Автоматические двери раздвинулись, стоило к ним приблизиться. Просторный холл, с длинной, футов в тридцать, изогнутой стойкой из светлого полированного дерева, блестящий кафельный пол, поблёскивающие бронзовые детали, заманивающие в тёмный бар. Один из лифтов стоял с гостеприимно раскрытыми дверцами.

– Никого, – шёпотом проговорил Квинн.

– Действительно, – кивнул Сэм.

В баре работал телевизор, не показывавший ничего, кроме помех. Ни за стойкой регистрации, ни за столом консьержа, ни в баре не было ни единого человека. Их шаги гулким эхом разносились по холлу.

– Теннисные корты в той стороне, – сказала Астрид, обгоняя Сэма с Квинном. – Если Пити был с мамой, он где-то там.

На ярко освещенных кортах не слышалось стука мячей или возгласов игроков. Стояла мёртвая тишина.

Они увидели это одновременно.

Рассекая дальний корт и плавательный бассейн, словно перерезая ухоженный ландшафт, протянулся барьер.

Слегка мерцающая стена.

Она выглядела прозрачной, но яркий свет, проходя сквозь неё, делался тусклым, каким-то молочного-невнятным. Поверхность напоминала матовое стекло, в ней даже смутно отражались окрестности. Барьер не вибрировал, вообще не производил никаких звуков. Напротив, он, похоже, их поглощал.

Стена показалась Сэму мембраной толщиной где-то в миллиметр. Чем-то таким, что можно проткнуть пальцем, и оно лопнет, как воздушный шарик. Может быть, стена была обманом зрения? Однако животный страх Сэма, все его инстинкты вопили, что никакая это не иллюзия, не завеса, а самая настоящая, непреодолимая стена.

Барьер уходил ввысь, совершенно теряясь на фоне ночного неба. Он простирался вправо и влево, насколько хватал глаз. Свет звёзд у горизонта не пробивался сквозь него, но над самой головой звёзды остались.

– Что это? – с трепетом в голосе воскликнул Квинн.

Астрид только головой помотала.

– Что это такое? – уже настойчивее повторил Квинн.

Они медленно двинулись к барьеру, готовые в любой момент дать стрекача. Им просто необходимо было изучить эту штуковину поближе. Перешагнули через ограждающую цепь, пересекли теннисный корт. Барьер проходил прямо сквозь натянутую сетку, которая одним концом была прикреплена к столбику, а другой её конец скрывался в перламутровой черноте за барьером.

Сэм подёргал сетку. Та была крепко натянута. Сколько он ни дёргал, вытянуть её не смог.

– Осторожно, – шепнула Астрид.

– Она права, чувак, будь осторожен, – Квинн попятился, и Сэму опять волей-неволей пришлось взять инициативу на себя.

Он стоял всего в нескольких футах от барьера, только руку протяни. Сэм заколебался. Потом заметил зелёный теннисный мячик, поднял и бросил в барьер. Мячик отскочил. Сэм поймал его и внимательно осмотрел. Мячик как мячик, ничего особенного.

Он сделал три шага и решительно прижал пальцы к барьеру.

– Ай! – Сэм отдернул руку и принялся её разглядывать.

– Что случилось? – завопил Квинн.

– Жжётся. Чёрт, больно-то как, – Сэм потряс рукой.

- Дай посмотрю, – сказала Астрид.
- Уже проходит, – Сэм протянул ей руку.
- Ожогов нет, – объявила Астрид, так и эдак крутя его кисть.
- Нет, – согласился он, – но поверь мне, дотрагиваться до этой штуки тебе очень не понравится.

Удивительно, однако даже в таких обстоятельствах, Сэм обратил внимание, что прикосновение Астрид – тоже своего рода удар током. Её руки были прохладными, и ему это нравилось.

Квинн схватил тяжёлый, металлический стул, стоявший у боковой линии, поднял на уровень груди и ударил железными ножками по барьеру. Тот не поддался. Квинн двинул ещё раз, уже посильнее, так, что отдача от удара отбросила его назад. Барьер не шелохнулся. Внезапно Квинн принялся кричать, ругаться и колотить стулом по преграде.

Сэм не мог даже приблизиться к другу и попытаться утихомирить без риска самому попасть под удар. Он предостерегающе положил ладонь на плечо Астрид и сказал:

- Ничего, пусть выпустит пар.

Тем временем, Квинн продолжал лупить стулом по барьеру без малейшего вреда для последнего. Наконец, выронил стул, опустился на покрытие корта, обхватил голову руками и завыл.

Альберт Хиллсборо вошёл в ярко освещённый «Макдоналдс». Громко, протяжно взвывла пожарная сигнализация, призывая отсутствующих людей, после чего разразилась новой серией оглушительного, злобного блеяния.

Дети уже и здесь побывали, забрав с прилавка печенье и слоёные булочки. Коробки «Хэппи Мил» были раскрыты, игрушки из нового фильма, который Альберт ещё не видел, – разбросаны. Контейнер для картошки фри опустел, её ломтики обильно усыпали пол.

Немного скованно Альберт обогнул прилавок и подошёл к двери, ведущей в кухню. Та оказалась заперта. Он вернулся и перепрыгнул через прилавок, чувствуя себя преступником.

В горячем масле дымилась корзинка с обуглившимися остатками картофеля. Найдя полотенце, Альберт взялся за ручку и, вытащив корзинку, прицепил её над поддоном, чтобы стекло горелое масло. Эта порция картошки жарилась почти с утра.

- Готово, – сказал он самому себе.

Таймер плиты продолжал пищать. Подумав секунду, Альберт нашёл нужную кнопку, нажал. Одним звуком стало меньше.

На гриле лежали три ссохшихся чёрных коржика. Гамбургеры, понял Альберт. Они стояли на огне около десяти часов, как и несчастная картошка фри. Альберт взял лопатку, соскрёб остатки котлет и выкинул в мусорное ведро. Они уже давно перестали дымиться, однако не было никого, кто пришёл бы и выключил пожарную сигнализацию. Альберту потребовалось несколько минут, чтобы сообразить, как к ней подобраться, не упав на раскалённый гриль, но он с этим справился.

Тишина принесла ему физическое облегчение.

- Так-то лучше, – сказал Альберт, спускаясь вниз.

Он задумался, не выключить ли фритюрницы и гриль. Это было бы хорошо в смысле безопасности: выключить здесь всё и уйти в темноту площади, где бродили, в ожидании запаздывающего спасения, испуганные дети. Беда в том, что во всём этом оборудовании Альберт совершенно не разобрался.

Ему было четырнадцать лет, – младший из шести детей. И самый мелкий, если честно. Троим его братьям и двум сёстрам было от пятнадцати до двадцати семи. Альберт уже сходил домой и никого там не обнаружил. Материнское инвалидное кресло пустовало. Как и диван,

лежа на котором мама смотрела телевизор и жаловалась на боль в спине. Осталось только одеяло.

Находиться в одиночестве, даже недолго, было странно. Непривычно, что над душой не торчал кто-нибудь из старших, указывая, что ему, Альберту, делать. Все им вечно командовали. Здесь, на кухне «Макдоналдса», он почувствовал одиночество, какого прежде и представить не мог.

Альберт разыскал морозильную камеру, налёг на большую хромированную ручку. Стальная дверь открылась, дохнув морозом. Внутри на металлических стеллажах громоздились коробки с надписью «Гамбургеры». Тут же стояли вместительные полиэтиленовые пакеты с наггетсами, куриными крылышками и картофелем фри. Рядом виднелись коробки поменьше с рублеными свиными котлетами. Но основное место было отдано гамбургерам.

Альберт прошёл внутрь. В камере было не слишком холодно и не вполне чисто, зато интересно. Накрытые плёнкой поддоны с нарезанными помидорами, пакеты с измельчённым латуком, здоровенные пластмассовые банки с соусом для Биг-Маков, с майонезом и кетчупом, целые горы жёлтых ломтиков сыра.

Затем Альберт зашёл в маленькую комнату отдыха, увешанную плакатами по технике безопасности и инструкциями по приёму Геймлиха на испанском и английском. У стен было сложено то, что не требовалось хранить в холодильнике: гигантские коробки с бумажными стаканчиками, вошёной бумагой, тусклые металлические баллоны с сиропом «кока-колы». У заднего выхода высились стойки с булочками и маффинами.

Всё – на своих местах, всё – прекрасно организовано, везде достаточно чисто, хоть и поблёскивает от жира.

В какой-то момент, – Альберт не заметил, когда именно, – его любопытствующий взгляд зеваки сменился зорким взглядом хозяина. В уме он уже прикидывал, как соорудить Биг-Мак, сэндвич с курицей или макмаффин с яйцом.

Его сестра, Ровена, научила Альберта готовить. Дети матери-инвалида быстро приучаются заботиться о себе. Прежде именно Ровена была поваром в их семействе. Когда Альберту исполнилось двенадцать, часть кухонных обязанностей легла на него.

Он умел готовить красные бобы с рисом, – любимое мамино блюдо. Умел соорудить хот-дог и французский тост с беконом. На самом деле Альберт обожал готовить, хотя никогда не признался бы в том Ровене. Это было куда интереснее, чем заниматься уборкой, в которой, к сожалению, тоже приходилось участвовать. Но уж пятничные и воскресные ужины были полностью на нём.

Дверь в небольшой кабинетик управляющего оказалась приоткрыта. Внутри стоял кургузый столик, имелись также запертый сейф, телефон, компьютер и полка, прогибающаяся под тяжестью инструкций.

До Альберта донеслись голоса и грохот. Кто-то, похоже, стукнул по контейнеру с соломинками, после чего извинился. Выйдя на шум, он обнаружил двух семиклассников, облокотившихся о прилавок и разглядывающих меню, словно собираясь сделать заказ.

Альберт помедлил, но совсем недолго. «*Я справлюсь*», – подумал он, несказанно удивив самого себя.

– Добро пожаловать в «Макдоналдс». Чем могу вам помочь?

– Вы открыты?

– Что будете заказывать?

Ребята переглянулись:

– Два комбо номер один.

Альберт уставился на компьютерную консоль с целым лабиринтом разноцветных кнопок. Ладно, с этим – потом.

– Что пить будете? То есть... Какой напиток?

- Фанту.
- Сейчас всё будет.

Котлеты нашлись в холодильной камере под грилем. Когда он бросил на гриль две штуки, те аппетитно зашкворчали. Альберт заметил на полке бумажную шапочку и надел её.

Пока гамбургеры доходили, он открыл толстенную инструкцию и начал просматривать оглавление, разыскивая картошку фри.

Глава 7. 289 часов, 45 минут

ЛАНА ЛЕЖАЛА в темноте и глядела на звёзды. Грифов она не видела, но вряд ли те улетели. Днём несколько штук даже попытались приземлиться рядом, но Патрик их отогнал. Лана знала, что они где-то поблизости.

Она ужасно боялась. Боялась смерти. Боялась никогда больше не увидеть маму и папу. Родители, наверное, даже не подозревают, что она пропала. Они звонили дедушке Люку каждый вечер, разговаривали с Ланой, твердили, что любят её, и... отказывались забирать домой.

– Мы хотим, чтобы ты немного отдохнула от города, солнышко, – говорила мама, – проветрилась, а заодно – подумала над своим поведением.

Лана безумно на них злилась. Особенно на мать. Гнев был так силён, что почти заглушал боль. Однако погасить её окончательно не мог. По крайней мере, – надолго. Боль сделалась способом существования Ланы. Боль и страх.

Интересно, как она сейчас выглядит? Лана никогда не была настоящей красавицей. Собственные глаза казались ей слишком маленькими, тёмные волосы – излишне тонкими, из таких никакую причёску не сделаешь, и приходилось носить их распущенными. Теперь её лицо, должно быть, покрыто синяками, порезами, запёкшейся кровью. Наверное, она похожа на персонаж фильма ужасов.

Где же дедушка? Мгновения перед аварией Лана худо-бедно помнила. Сама авария превратилась в мешанину расплывшихся образов и осколков пространства, вертевшихся вокруг, пока её тело болталось в кувыркающемся пикапе.

Всё это было странно. Бессмысленно. Дедушка просто исчез: только что сидел за рулём, – и вот его нет. Лана не помнила, чтобы он открывал дверь. Да и зачем старику выпрыгивать на полном ходу из машины?

Бред какой-то. Невероятно.

Одно Лана знала точно: дедушка не предупредил её ни полсловом. Он исчез в мгновение ока, после чего пикап рухнул в пересохшую балку.

Очень хотелось пить. Ближайшим местом, где она могла напиться, было ранчо в миле от неё. Если бы только Лана могла выбраться на дорогу... Увы, это было бы почти невозможно даже при свете дня, даже будь она совершенно здоровой.

Девочка приподняла гудящую голову и посмотрела на пикап. Его силуэт темнел вверх колёсами всего в нескольких футах. Что-то проскользнуло по её шее. Лабрадор насторожился.

– Не подпускай ко мне никого, Патрик, – взмолилась Лана.

Пёс твякнул, как делал всегда, находясь в игривом настроении.

– Хороший мальчик, но мне нечем тебя покормить. Я не знаю, что с нами будет.

Патрик лёг, положив голову на лапы.

– Полагаю, мама будет довольна. Просто счастлива, что спровадила меня сюда.

Она заметила сверкнувшие в темноте глаза, только когда лабрадор вскочил и зарычал так, как не рычал никогда в жизни.

– Что там, Патрик?

Зелёные глаза, казалось, парили во мраке сами по себе. Они смотрели прямо на неё. Вот они медленно моргнули и вновь открылись. Патрик лаял как сумасшедший и прыгал туда-сюда. Пума заворчала. Звук был хриплым, горловым.

– Убирайся! – завизжала Лана. – Уйди от меня!

Крик вышел жалким, слабым и испуганным собственной слабостью. Патрик метнулся было к Лане, потом, осмелев, прыгнул на пуму. Завязалась драка, сопровождавшаяся собачьим лаем, кошачьим рыком и прочими кошмарными звуками. Через полминуты всё было кончено.

Глаза пумы вновь сверкнули в темноте, но теперь намного дальше. Мигнув напоследок, они исчезли.

Вернулся Патрик и тяжело опустился рядом с Ланой.

– Хороший мальчик, – заворковала она, – ты прогнал мерзкую пуму, да, мой смелый мальчик? Кто у нас хороший мальчик?

Патрик вяло шевельнул хвостом.

– Она тебя не поранила? Она не поранила моего мальчика?

Лана погладила пса здоровой рукой. Его загривок был мокрым и скользким. Не иначе кровь. Попыталась найти рану, лабрадор заскулил от боли. И тут она нащупала глубокий порез на его шее. Кровь вытекала толчками, а вместе с ней, с каждым биением сердца, вытекала и жизнь пса.

– Нет! Ты не можешь умереть! Не можешь!

Лана разрыдалась. Если Патрик умрёт, она останется в пустыне одна. Одна-одинёшенька, неподвижная. Вернётся пума. Вернутся грифы. Нет! Этого нельзя допустить, нельзя!

Она больше не могла удержать в себе свой страх. Он стал непереносимым, мешал рассуждать, мешал бороться.

– Мама, мама, мамочка! – в ужасе кричала Лана. – Хочу к маме! Помогите мне, кто-нибудь! Мама, прости меня, прости, я хочу домой! Хочу домой!

Она редела навзрыд. Страх одиночества так возрос, что пересилил телесную боль. У девочки перехватило дыхание. Она осталась наедине со своей болью. И совсем скоро клыки пумы...

Патрик должен выжить. Он должен выжить. Он – это всё, что у неё осталось.

Лана, как могла, притянула пса к себе. Положила ладонь на его рану и прижала изо всех сил.

Она обязана остановить кровь.

Она должна удержать его.

Кровь продолжала сочиться сквозь пальцы.

Лана не отнимала руки, сосредоточив всю свою волю на том, чтобы не заснуть и сохранить жизнь другу.

– Хороший мальчик, – шептала она пересохшими губами.

Только бы не заснуть. Однако жажда, голод, боль, страх и одиночество сделали своё дело. Через какое-то время Лана провалилась в сон.

Её рука соскользнула с собачьей шеи.

Сэм, Квинн и Астрид провели большую часть ночи, обшаривая гостиницу в поисках Пита. Астрид смогла получить доступ к системе безопасности и сделала универсальную пластиковую карту-ключ, открывающую все двери отеля.

Они обыскали всё здание, но не нашли ни брата Астрид, ни кого-либо ещё. Добравшись до последнего номера, донельзя усталые, остановились. Барьер проходил прямо через него. Словно кто-то перегородил комнату стеной.

– Он разрезает телевизор, – сказал Квинн, взял пульт и нажал на красную кнопку.

Телевизор включился, но ничего не показывал.

– Хотелось бы мне знать, как это выглядит с другой стороны барьера, – проговорила Астрид. – У кого-то в номере заработало полтелевизора?

– Если так, они могли бы мне рассказать, выиграли «Лейкерс» или продули, – пошутил Квинн, но ни у кого, включая его самого, не было настроения смеяться.

– Вполне вероятно, что Пит, живой и здоровый, находится по ту сторону барьера, – сказал Сэм. – Может быть, даже со своей мамой, – добавил он.

– Я этого не знаю наверняка, – рявкнула Астрид. – Следовательно, должна исходить из того, что он где-то один, совершенно беззащитен, и помочь ему, кроме меня, некому, – она скрестила руки на груди и вся словно сжалась. – Извини. Боюсь, это выглядит так, будто я на тебя сержусь.

– Все нет. Это выглядит так, как будто ты просто сердисься. Но не на меня. Вряд ли мы что-нибудь сегодня ещё сделаем, уже почти полночь. Думаю, нам лучше вернуться в тот большой номер.

Астрид вяло кивнула, Квинн встрепенулся, готовый сорваться с места.

Они вошли в номер-люкс. Там был широкий балкон, выходящий на море. Слева перспективу загораживал барьер, идущий, насколько они могли разглядеть, до самого горизонта. Стена, выросшая из здания отеля. Бесконечная стена.

В одной комнате номера стояла кровать исполинских размеров, во второй – две поменьше, застеленные бархатными покрывалами. Имелся также мини-бар с ликерами, пивом, лимонадом, орешками, «Сникерсами», «Тоблероном» и прочим в подобном роде.

– Чур, это комната мальчиков! – крикнул Квинн, рухнул ничком на одну из двух кроватей и почти мгновенно уснул.

Сэм и Астрид вышли на балкон, прихватив плитку «Тоблерона». Долго молчали.

– Как ты думаешь, что это? – наконец спросил Сэм.

Уточнять, что он имел в виду, не требовалось.

– Временами мне кажется, что я сплю и вижу сон, – ответила Астрид. – Странно, что до сих пор никого нет. Ведь должны уже были собраться военные, учёные, журналисты... Вдруг, из ниоткуда, вырастает стена, в городе исчезает куча народа, но почему-то не объявился ни один фургон с «тарелками» спутниковой связи.

Сэм уже думал об этом и пришёл к весьма неутешительному выводу. Интересно, Астрид тоже так считает?

Да, она считала так же.

– Знаешь, Сэм, по-моему, это не просто странная стена, отрезавшая нас с юга. Мне кажется, это круг, в центре которого – наш город. Скорее всего, мы отрезаны от всего мира. Вот почему никто не явился нам на помощь. Тебе так не кажется?

– Угу. Мы в мышеловке. Но почему? И куда делись те, кто старше четырнадцати?

– Понятия не имею.

Некоторое время Сэм молчал, не решаясь задать следующий вопрос, крутившийся у него в голове. Очень уж ему не хотелось услышать ответ.

– Как ты думаешь, что происходит с теми, кому исполняется пятнадцать? – пробормотал он наконец.

Астрид повернулась к нему. Её голубые глаза поймали его взгляд.

– Сэм, когда у тебя день рождения?

– Двадцать второго ноября. За пять дней до Дня благодарения. Через двенадцать дней. Нет, уже через одиннадцать. А у тебя?

– Нескоро, в марте.

– Март – это хорошо. А ещё лучше – июль. Или август. Впервые в жизни мне хочется быть младше. Как по-твоему, они остаются в живых? – торопливо спросил он, лишь бы Астрид не смотрела на него с такой жалостью.

– Да.

– Ты говоришь так потому, что действительно так считаешь, или просто хочешь, чтобы они оставались живыми?

– Да, – улыбнулась она. – Сэм...

– Что?

– Я ведь тоже была в том автобусе, помнишь?

– Смутно, – он рассмеялся. – Как же, мои пятнадцать минут славы!

– Ты был таким смелым, самым замечательным человеком, которого я когда-либо знала.

И не я одна так думала. Ты стал героем всей школы. А потом вдруг... увял.

Сэм даже немного возмутился. Увял? Ничего он не увял! Или?..

– Просто у водителей школьных автобусов не так часто случаются инфаркты, – ответил он, и Астрид расхохоталась.

– Кажется, я знаю такой тип людей. Ты живёшь своей жизнью, но если где-то – беда, ты – тут как тут. Выходишь вперёд и делаешь то, что нужно. Вот как сегодня, на пожаре.

– Я, по правде сказать, предпочитаю ту часть, когда живу своей жизнью.

Астрид понимающе кивнула и произнесла:

– Однако на сей раз тебе не отвертеться.

Сэм перегнулся через перила, глядя на газон под балконом. По выложенной камнями дорожке бежала ящерица: рывок, остановка, ещё рывок, и ящерица исчезла в траве.

– Слушай, не жди от меня слишком многого, ладно?

– Хорошо, Сэм, – согласилась Астрид, хотя тон её говорил об обратном. – Завтра посмотрим, что удастся выяснить.

– И найдём твоего брата.

– И найдём моего брата.

Астрид отвернулась. Сэм понял, что не слышит рокота прибоя. Ветер был слишком слабым. Зато хорошо ощущался аромат цветов, растущих внизу, и солёный запах Тихого океана, совершенно не изменившийся.

Он сказал Астрид, что испуган, и это было правдой. Но помимо страха у него были и другие эмоции. Пустота слишком тихой ночи давила. Сэм чувствовал себя одиноким. Одиноким даже с Астрид и Квинном. Он знал то, о чём не подозревали они.

Всё изменилось настолько, что ему трудно было с этим примириться.

Всё было взаимосвязано, Сэм это чувствовал. То, что он сделал с отчимом, то, что случилось в его комнате или у маленькой поджигательницы со смешными косичками... Исчезновение тех, кому больше четырнадцати, и непроницаемый, невероятный барьер. Всё это – кусочки одной и той же головоломки.

Сюда же стоило отнести и мамин дневник.

Сэм был перепуган, потрясён и одинок. Впрочем, сегодня – менее одинок, чем все последние месяцы. Маленькая поджигательница раскрыла ему глаза. Он не единственный такой в городе.

Сэм вытянул руки и принялся рассматривать ладони. Розовая кожа, мозоли от постоянного натирания воском доски, линия жизни, линия судьбы. Ладонь как ладонь.

Как? Как это могло случиться? Что всё это значит? И если он тут не один такой, следует ли из этого, что в катастрофе виноват кто-то другой?

Сэм протянул руки к барьеру, будто собираясь его коснуться.

Впадая в панику, он может создавать свет. Может даже обжечь человеку руку.

Но барьер, исчезновения? Нет, на подобное он не способен.

Сэм облегчённо вздохнул. Он не виноват, он ничего не делал.

Кто-то другой – да. Кто-то или что-то.

Глава 8. 287 часов, 21 минута

– НЕ ВЕРТИСЬ, я же пытаюсь поменять тебе подгузник, – сказала Мэри Террафино малышке.

– Это не подгузник, – возразила егоза. – Подгузники у деток, а у меня – особенные штанишки.

– Ну, извините, – фыркнула Мэри. – Была не в курсе.

Она натянула на девочку её «особенные штанишки» и ласково улыбнулась. Бесплезно. Та ударилась в слёзы.

– Штанишки мне всегда меняет мамочка!

– Знаю, котёнок. Но сегодня, в порядке исключения, это сделаю я, хорошо?

У Мэри самой глаза были на мокром месте. Ещё никогда в жизни ей так сильно не хотелось плакать. Наступила ночь. Мэри с Джоном, её девятилетним братом, уже раздали все сырные крекеры и весь сок. Подгузники тоже подходили к концу. Детский сад не был рассчитан на то, что дети будут здесь ночевать, поэтому хозяйка имела только минимум необходимого.

В большей из двух комнат находилось двадцать восемь малышей, за которыми приглядывали Мэри, Джон и десятилетняя Элоиза, – ну и имечко, как из сказки! И хотя последняя возилась в основном со своим четырёхлетним братиком, это было неплохим подспорьем: остальные дети, ошеломлённые внезапно свалившейся на них ответственностью, просто оставляли им своих братьев и сестёр и убегали, не делая ни малейшей попытки помочь.

Мэри с Джоном разводили смесь для детского питания и наполняли бутылочки. В «питание» вообще пошло всё, найденное на кухне садика, а также то, что Джон стащил из окрестных магазинов. Они читали вслух сказки. Вновь и вновь ставили диски с детскими песенками.

Мэри уже, наверное, в миллионный раз повторяла: «Не волнуйтесь, всё будет в порядке». Ей приходилось обнимать одного малыша за другим, и она чувствовала себя конвейером по раздаче объятий.

А дети всё равно плакали и звали маму, то и дело слышались вопросы: «Когда придёт моя мамочка? Почему она меня не забирает? Где она?» Они капризничали и требовательно вопили: «Хочу к маме! Хочу домой! Сейчас же!»

У Мэри ноги подкашивались от усталости. Она рухнула в кресло-качалку и осмотрела комнату. Повсюду – детские кровати и матрасики. Везде лежали, свернувшись клубочками, маленькие тела. Почти все уже спали, за исключением двухлетней девочки, всхлипывающей не переставая, и младенца, то и дело заходящегося в плаче.

Джон боролся со сном. Голова опускалась в дрёме всё ниже... ниже... потом он резко встряхивался, и его тугие кудряшки задорно подпрыгивали. Джон сидел в кресле напротив Мэри, покачивая на коленях импровизированную люльку, в действительности бывшую длинным цветочным горшком, позаимствованным в хозяйственном магазине.

Мэри перехватила взгляд брата и сказала:

– Какой же ты у меня молодец, Джонни!

В ответ мальчик слабо улыбнулся, и Мэри почувствовала, что сердце у неё сейчас разорвётся. Из глаз полились слёзы, в горле застрял комок.

– Хочу пи-пи! – объявил кто-то.

– Да-да, Кесси, пойдём, – отозвалась Мэри, определив, чей это голосок.

Ванная располагалась рядом с главной комнатой. Мэри отвела туда Кесси, подождала, прислонившись к стене, потом вытерла малышке попку.

– Попу мне всегда вытирает мама, – насупилась Кесси.

– Догадываюсь, лапочка.

– Мамочка тоже меня так называет.

– Лапочкой? Ясно. Хочешь, чтобы я называла тебя как-нибудь иначе?

– Нет. Я хочу, чтобы пришла мама. Я соскучилась. Я всегда её обнимаю, а она меня целует.

– Знаю, лапочка. Может быть, пока твоя мама не вернулась, тебя поцелую я?

– Нет! Только мама.

– Хорошо, хорошо. А теперь давай-ка обратно в постельку.

Уложив Кесси, Мэри подошла к Джону, взъерошила его рыжие кудри.

– Слушай, Джонни, у нас тут всё позаканчивалось. Боюсь, утром возникнут проблемы. Я должна пойти посмотреть, не удастся ли чего раздобыть. Ты один справишься?

– Ага. Я умею вытирать попы.

Мэри вышла на ночную, почти затихшую площадь. Некоторые дети спали на скамейках, другие – группками собрались под фонарями. Она заметила Говарда с бутылкой «Маунтин-Дью» в одной руке и бейсбольной битой в другой.

– Ты Сэма не видел?

– Зачем он тебе?

– Мы не можем одни с Джоном заботиться обо всех этих малышах.

– А тебя кто-то просил? – Говард дёрнул плечом.

Это было уже слишком. Мэри была высокой и сильной, Говард – низеньким и слабым, хотя и мальчишкой. Она подошла к нему вплотную и, глядя прямо в лицо, сказала:

– Слушай меня, мелкий червяк. Если я не позабочусь об этих детях, они умрут. Дошло? Они совсем ещё маленькие, их нужно кормить, водить в туалет и менять подгузники, а я, судя по всему, единственная здесь, кто это понимает. И в домах наверняка остались другие дети. Растерянные, голодные, перепуганные до смерти.

Говард попытался, воинственно приподнял битку, но потом опустил:

– А я что могу? – захныкал он.

– Ты? Ты – ничего. Где Сэм?

– Свалил.

– Чего?

– Ну, свалил. Ушёл вместе с Квинном и Астрид.

Мэри нахмурилась, чувствуя себя уставшей и отупевшей.

– Кто же здесь командует?

– Ты, похоже, решила, что если Сэм раз в два года строит из себя героя, то он тут самый главный командир?

Мэри тоже была в том автобусе два года назад, когда у водителя, мистера Коломбо, случился инфаркт. Она зачиталась тогда, не обращая внимания на происходящее, и оторвала взгляд от страницы, лишь почувствовав, что автобус резко вильнул. К тому времени, когда Мэри поняла, что случилось, Сэм уже сидел за рулём автобуса и подводил его к обочине.

В последующие два года он вёл себя тихо и незаметно, почти не участвуя в жизни школы. Мэри, как и все остальные, давно и думать забыла о Сэме и его подвиге.

И всё же она ничуть не удивилась тому, что во время пожара именно Сэм вышел вперёд. Мэри сердцем чувствовала, что если кому и командовать теперь ими, так это Сэму. Она даже рассердилась на него: ну где его носит, когда он так нужен?

– Тогда приведи ко мне Орка.

– Я не могу приказывать Орку, ты, сучка!

– Что ты сказал? – рывкнула Мэри. – Как ты меня назвал?

– Да я ничего, Мэри, я так, – Говард судорожно сглотнул.

– Где Орк?

– Дрыхнет, наверное.

– Разбуди его. Мне нужна помощь. Я уже засыпаю на ходу. Мне нужно ещё по крайней мере два человека, умеющих заботиться о малышах. Нам требуются подгузники, бутылочки, соски, крекеры и галлоны молока.

– А я-то тут при чём?

– Не знаю, Говард, – обречённо сказала Мэри. – Может быть при том, что ты ещё не конченная скотина? Или при том, что ты хочешь быть порядочным человеком?

Ответом ей был скептический взгляд и насмешливое хрюканье.

– Смотри, Говард, другие дети слушаются Орка, так? Они его боятся. Всё, что я хочу от Орка, это чтобы он вёл себя как Орк.

Говард задумался. Мэри почти наяву видела, как вращаются ржавые шестерёнки в его башке.

– Ладно, забудь. Когда вернётся Сэм, я с ним поговорю.

– Ну, да, он же у нас великий герой! – голос Говарда буквально сочился ядом. – Но постой! Куда же он делся? Ты его видишь? Я не вижу.

– Ты будешь мне помогать или нет? Мне пора возвращаться в садик.

– Ну, ладно, принесу я тебе подгузники. Только смотри, Мэри, не забудь потом, кто тебе помогал. Отныне ты работаешь на нас с Орком.

– Я забочусь о маленьких детях. Если я на кого и работаю, так это на них.

– Вот я и говорю, чтобы ты запомнила получше, кто оказался рядом, когда тебе понадобилась помощь, – Говард развернулся и с важным видом потопал прочь.

– Два бибиситтера и еда! – крикнула Мэри ему вслед и вернулась в детский сад.

Трое малышей плакали, их рёв подхватили остальные. Джон, как сомнамбула, бродил от кровати к кровати.

– Я вернулась. Иди спать, Джонни.

Мальчик свалился, где стоял. Мэри показалось, что брат уснул, ещё не опустившись на пол.

– Ну-ну, не плачь, – сказала она, склоняясь над хнычущим малышом. – Всё будет хорошо.

Глава 9. 277 часов, 06 минут

СЭМ УСНУЛ не раздеваясь и проснулся слишком рано.

Ночь он предпочёл провести на диване в гостиной номера-люкса, по опыту ночёвок на пляже зная, что Квинн разговаривает во сне.

Открыв глаза, он увидел худенький силуэт на фоне солнца. Астрид. Она стояла у окна, глядя на Сэма. Он торопливо вытер рот о наволочку.

– Извини, слюна...

– Не хотелось тебя будить, но ты только взгляни на это.

Из-за городских зданий и гряды холмов вставало солнце. Его лучи, сверкающие на воде, не могли разогнать серую муть барьера. Стало видно, что в дали тот изгибался, точно стена, поднявшаяся из океанских глубин.

– Интересно, какой она высоты? – подумал вслух Сэм.

– Я могла бы посчитать. Надо измерить расстояние от основания стены до некоторой точки на земле, затем нарисовать угол и... ладно, неважно. Навскидку в ней минимум двести футов. Мы на третьем этаже, обзор хороший, а края не видать. Если он вообще есть, этот край.

– Как это, нет края?

– Мало ли. Не принимай всё, что я говорю, всерьёз. Я просто размышляю.

– Размышляешь? Тогда продолжай размышлять, но, пожалуйста, так, чтобы я слышал.

– Хорошо, – Астрид пожала плечами. – Края может и не быть. Что если это не стена, а купол?

– Но я вижу небо, – возразил Сэм. – Облака, вон, плывут.

– Верно. Тогда представь, что у тебя в руке осколок чёрного стекла. Что-то вроде большой и тёмной линзы для солнечных очков. Если ты наклоняешь её в одну сторону, – она матовая, наклоняешь в другую – она становится похожей на зеркало. Если хорошенько присмотреться, тебе покажется, что ты видишь, как преломляется свет. Всё зависит от угла зрения и...

– Вы слышите? – раздался вдруг голос Квинна.

Тот появился неожиданно, причём, – почёсываясь со сна, как мартышка.

– Двигатель, – сказал Сэм, прислушавшись. – Совсем рядом.

Они выскочили из номера, прогрохотали по лестнице, пулей вылетели из отеля и бросились за угол, к теннисным кортам.

– Это Эдилио, наш новичок, – сказал Сэм.

В открытой кабине маленького жёлтого экскаватора действительно сидел Эдилио Эскобар. Маневрируя, он подъехал к барьеру, опустил ковш, потом поднял его. В ковше была земля пополам с травой.

– Он хочет прокопать путь наружу! – воскликнул Квинн, бросился к экскаватору и запрыгнул в кабину.

Эдилио от неожиданности подскочил, но взял себя в руки, улыбнулся и, заглушив двигатель, сказал;

– Привет, ребята. Думаю, вы тоже заметили эту штуковину? – он ткнул большим пальцем в сторону барьера. – Кстати, не прикасайтесь к нему.

– Ага, мы уже поняли, – уныло кивнул Сэм.

Эдилио вновь запустил двигатель и выкопал ещё три ковша земли. Затем спрыгнул вниз, взял лопату и отгрёб последние дюймы почвы, остававшейся у самого барьера.

Барьер продолжался и под землёй.

Работая втроём, Эдилио, Сэм и Квинн, где экскаватором, где лопатами, выкопали яму глубиной пять футов. Барьер не кончался. Но Сэм не собирался сдаваться. Должен же быть у

стены конец? Обязательно должен. Дальше начиналась неподдающаяся лопате скала, каждая новая порция грунта была всё меньше и меньше.

– Надо бы попробовать отбойным молотком, – пробормотал он. – Ну, или ломом.

Только тут Сэм обнаружил, что возится в яме один. Остальные просто стояли, глядя на него сверху вниз.

– Да, можно будет попробовать, – наконец сказал Эдилио, наклонился и протянул Сэму руку, помогая вскарабкаться наверх.

Выбравшись, Сэм отшвырнул лопату и отряхнул джинсы.

– В любом случае, Эдилио, твоя задумка была отличной.

– Да и ты на пожаре не сплеховал, – ответил тот. – Спас хозяйственный магазин и детский садик.

Однако Сэм был не расположен сейчас думать о том, кого и что он спас или, наоборот, не спас.

– Без тебя, Эдилио, я бы не сохранил ничего, даже собственной задницы. Ну, и без Квинна с Астрид, конечно тоже, – торопливо прибавил он.

– А откуда ты здесь взялся? – Квинн пристально посмотрел на Эдилио.

Тот вздохнул, прислонил лопату к барьеру, утёр пот со лба и, оглядев ухоженную территорию отеля, сказал:

– Моя мама здесь работает.

– И кем же? – ухмыльнулся Квинн. – Неужто менеджером?

– Она горничная, – невозмутимо ответил Эдилио.

– Правда? А где ты живёшь?

– Там, – Эдилио махнул в сторону барьера. – В трейлере, в двух милях от автострады. С папой и двумя младшими братьями. Они подхватили какой-то вирус, и мама наказала им сидеть дома. Мой старший брат, Альваро, сейчас в Афганистане.

– Он военный?

– Спецназовец, – гордо улыбнулся Эдилио. – Элита.

Невысокий Эдилио стоял так прямо, что казался выше ростом, чем на самом деле. У него были очень тёмные, почти без белков глаза, взгляд – мягкий, но бесстрашный. А кисти рук – загрубелые, в шрамах, словно принадлежали другому человеку. Он держал их несколько на отлёте, развернув ладони, будто собирался что-то ловить. Эдилио выглядел очень спокойным и в то же время – готовым действовать немедленно.

– Вся эта затея – ерунда, если хорошенько подумать, – сказал Квинн. – Люди по ту сторону барьера уже наверняка в курсе. Не могли же они не заметить, что мы вдруг оказались за стеной?

– Ну и к чему ты это? – спросил Сэм.

– А к тому. У них там куда лучшее оборудование, чем у нас, так? Они могут выкопать яму какой хочешь глубины. Или обойти стену. Или перелететь через неё. Мы же тут просто дурака валяем.

– Ты не знаешь, насколько глубоко или высоко протянулся барьер, – заметила Астрид. – Нам кажется, что его высота – футов двести, но это может быть оптической иллюзией.

– Над, под, вокруг или сквозь, но путь должен быть, – сказал Эдилио.

– Вот-вот. Именно так ваша семейка и перебралась через границу Мексики, да? – осклабился Квинн.

Сэм и Астрид в изумлении уставились на него. Эдилио выпрямился ещё больше и, несмотря на то, что был ниже Квинна на шесть дюймов, словно бы взглянул на него сверху вниз.

– Из Гондураса. Вот откуда перебралась моя семья. Они проехали всю Мексику, прежде чем достигли этой границы. Здесь мама работает горничной, отец – батрачит на ферме. Мы

живём в трейлере и ездим на старом грузовичке. У меня до сих пор сохранился лёгкий акцент, потому что испанский я выучил прежде английского. Ещё что-нибудь тебя интересует?

– Да я ничего такого не имел в виду, амиго, – сдал назад Квинн.

– Вот и прекрасно.

Эдилио вовсе не угрожал ему, нет. В любом случае, Квинн был на добрых двадцать фунтов тяжелее него. Однако спасовал именно он.

– Нам надо идти. Мы ищем младшего брата Астрид, – пояснил Сэм Эдилио. – Он... в общем, ему требуется присмотр. Астрид думает, что Пити мог быть на АЭС.

– Мой папа работает там инженером, – сказала Астрид. – Но до АЭС отсюда десять миль.

Сэм задумался, не пригласить ли Эдилио пойти с ними. Квинн наверняка разозлится. В последнее время он стал сам не свой. Не то чтобы это было так уж удивительно, учитывая произошедшее, однако состояние друга беспокоило Сэма. С другой стороны, именно Эдилио выручил его на пожаре. Не потерял головы и начал действовать.

Решение приняла Астрид:

– Эдилио, не хочешь пойти с нами?

Тут уже уязвлённым себя почувствовал Сэм. Неужели она думает, что он сам не сможет обо всём позаботиться? Зачем ей этот Эдилио?

Астрид, перехватив взгляд Сэма, закатила глаза.

– А я-то надеялась, что мы пустимся в путь без мужского позёрства.

– Я вовсе не позёр.

– Как вы собираетесь туда попасть? – спросил Эдилио.

– Я не уверен, что нам стоит садиться за руль, если ты об этом, – сказал Сэм.

– Возможно, я могу кое-что вам предложить. Не настоящая машина, конечно, но всё лучше, чем топтать пешком десять миль.

И он провёл их в гараж, находившийся за раздевалкой бассейна. Поднял ворота. Внутри стояли два гольф-кара с логотипами «Вершин».

– Садовники и охранники пользуются ими, чтобы объезжать поле для гольфа на той стороне дороги.

– А ты сам когда-нибудь водил этот драндулет? – спросил Сэм.

– Ага. Мой папа иногда нанимается для обслуживания полей для гольфа. Тогда я ему помогаю.

Дело принимало иной оборот. Даже Квинн внял голосу рассудка, нехотя буркнув:

– Окей. Но вести будешь ты.

– Мы можем проехать по дороге прямо к автостраде. Первый поворот направо, – предложил Сэм.

– Ты не хочешь проезжать через центр города, – заметила Астрид. – Не хочешь, чтобы ребята опять подходили к тебе и спрашивали, что им делать.

– А ты собираешься добраться до электростанции? – спросил Сэм. – Или желаешь полюбоваться, как я распинаюсь перед ними, говоря, что им нечего бояться, кроме самого страха?

Астрид засмеялась. На взгляд Сэма, её смех был самым замечательным звуком на свете.

– Ага, запомнил! – воскликнула она.

– Запомнил. Рузвельт. Великая Депрессия. Я, иногда, если напрягусь, даже таблицу умножения могу осилить.

– Оборонительный юмор, – поддразнила Астрид.

Миновав автостоянку, они выехали на дорогу, затем резко свернули вправо, на узкий недавно проложенный участок. Гольф-кар с трудом, чуть ли не со скоростью пешехода, взбирался на холм. Вскоре они увидели, что дорога упирается в барьер. Остановив машинку, мрачно уставились на остаток дорожного полотна.

– Это как в мультике про Дорожного Бегуна, – сказал Квинн. – Если ты нарисуешь туннель, мы проедем, а Вайл И. Койот врежется в стенку.

– Ну, хорошо. Возвращаемся. Только давайте поедем по окраине, не заезжая на площадь, – попросил Сэм. – Надо же нам, в конце концов, найти Пита. Не хочу я тратить время на болтовню.

– Да. Они ещё могут и машину у нас угнать, – добавил Эдилио.

– Тоже верно.

– Стой! – завопила вдруг Астрид, и Эдилио ударил по тормозам.

Астрид спрыгнула с сиденья и подбежала к чему-то, белеющему у обочины. Опустилась на колени, подняла с земли прутик.

– Это чайка, – сказал Сэм, заинтригованный, что же могло привлечь внимание Астрид. – Наверное, ударилась в барьер.

– Может быть. Ты лучше сюда посмотри, – она прутиком приподняла птичье крыло.

– Ну?

– Лапка перепончатая, тут всё верно. Но когти! Когти как у хищной птицы, вроде ястреба или орла.

– Ты уверена, что это чайка?

– Мне нравятся птицы. То, что мы видим, – неправильно. Чайкам не нужны когти, поэтому когтей у них нет.

– Значит, это чайка-уродец, – фыркнул Квинн. – Ну? Едем мы или нет?

– Всё равно, это ненормально, – Астрид встала с колен.

– Астрид, у нас тут черт знает что творится, а тебя беспокоят птичьи пальчики? – Квинн хохотнул.

– Эта птица или случайный мутант, – проговорила Астрид, – или внезапно возникший новый вид. Результат эволюции.

– Ещё раз спрашиваю: и что? Какое нам дело? – продолжал выступать Квинн.

Астрид определённо хотела что-то сказать, но передумала и покачала головой, словно удерживая саму себя.

– Неважно, Квинн. Как ты сам сказал, у нас тут в самом деле творится чёрт-те что.

Они снова забрались в гольф-кар и поехали дальше со скоростью двенадцать миль в час. Свернули на Третью улицу, срезали угол, объезжая центр города, и двинулись по Четвёртой, – тихой, тенистой, запущенной и самой старой улице, по соседству с домом Сэма.

Машины, которые попадались им по пути, либо были припаркованы, либо попали в аварию. Из людей им встретились только двое детей, переходивших улицу. Один раз вроде бы услышали звуки работающего телевизора, но быстро сообразили, что это – видео.

– Ну, хоть электричество есть, – заметил Квинн. – По крайней мере, видики они у нас не отняли. MP3-плееры тоже должны работать, пусть и без доступа к интернету. Так что музыка останется с нами.

– «Они», – повторила Астрид. – Мы начали с «Бога» и перешли к «ним».

Гольф-кар добрался, наконец, до автострады, и Эдилио остановил машину.

– Ну, ничего себе! – воскликнул Квинн.

Автостраду перегораживала фура «UPS». Её прицеп отвалился и лежал на боку, точно сломанная игрушечная машинка. Тягач вылетел на обочину, в него врезался «Крайслер» с откидным верхом. Кабриолету не повезло: столкновение было лобовым, так что он сложился чуть ли не вдвое и сгорел.

– Водители исчезли, и тот, кто вёл фуру, и тот, кто сидел в легковушке, – прокомментировал Квинн.

– По крайней мере, никто не пострадал, – сказал Эдилио.

– Если только в машине не было детей, – резонно возразила Астрид.

Проверять они не решились. Выжить в такой аварии было невозможно. Никому не хотелось увидеть маленькое обугленное тело на заднем сиденье.

Шоссе было четырёхполосным, – по две полосы в каждом направлении, – неразделённым по осевой линии, зато с поворотным рядом. Обычно здесь даже ночью стоял слитный гул машин. Теперь всё было тихо и недвижимо.

– Не могу отделаться от чувства, что в нас вот-вот врежется здоровенный грузовик и размажет по бетону, – поёжился Эдилио.

– Я бы уже, кажется, и это за счастье почёл, – буркнул Квинн.

Эдилио нажал на педаль, электрический моторчик заурчал, и они, обогнув перевёрнутый прицеп, выехали на автостраду.

Ощущения были жутковатыми. Гольф-кар со скоростью средненького велосипедиста двигался по дороге, где ещё недавно ездили не ниже шестидесяти миль в час. Они проползли мимо мастерской по ремонту глушителей и автосервиса *Jiffy Lube*, мимо приземистого офисного здания с вывесками адвокатской и бухгалтерской фирм. Часто попадались автомобили, съехавшие с автострады и врезавшиеся в припаркованные машины. Один кабриолет влетел в витрину химчистки. Одежда в полиэтиленовых пакетах завалила капот и кабину.

Всё окутывала кладбищенская тишина, лишь слегка разгоняемая мягким шорохом шин гольф-кара и натужным жужжанием его электромотора. Слева тянулся город, справа – гребень крутых холмов, тоже своего рода стена, огораживающая Пердидо-Бич. Сэма поразила мысль, что город изначально был ограждён: с севера и востока – горами, с юга и запада – океаном. Единственным путём сюда и отсюда была эта дорога, такая тихая и безлюдная сейчас.

Впереди показалась заправка «Шеврон». Сэму почудилось там какое-то движение.

– Что думаете? – спросил он. – Остановимся?

– Может, у них еда имеется? Там же минимаркет, – подал голос Квинн. – Я есть хочу.

– Я бы предпочла ехать дальше, – сказала Астрид.

– А ты, Эдилио?

– Не хочется выглядеть параноиком, но кто знает, что нас там встретит? – Эдилио пожал плечами.

– Пожалуй, я тоже за то, чтобы проехать мимо, – сказал Сэм.

Эдилио кивнул и поехал по левой стороне дороги.

– Если там будут дети, мы улыбаемся, машем им руками и говорим, что ужасно спешим, – добавил Сэм.

– Так точно, сэр! – гаркнул Квинн.

– Не горячись. Мы ведь проголосовали.

– Ну да, проголосовали.

На заправке определённо кто-то был. Лёгкий ветерок гнал им навстречу рваную упаковку от «Доритос», эдакое ало-золотое перекасти-поле. На обочину вышел один подросток, за ним другой. Первым оказался Коржик, второго Сэм не знал.

– Здорово, Коржик, – поприветствовал Сэм, когда они подъехали ярдов на двадцать.

– Здорово, Сэм, – отозвался тот.

– Мы ищем младшего брата Астрид.

– Стойте, – сказал Коржик.

В руке он держал металлическую бейсбольную битую. Второй мальчишка помахивал крокетным молотком с зелёными полосками.

– Прости, чувачок, но мы на задании. Пересечёмся попозже.

Сэм махнул рукой, Эдилио надавил на педаль. Ещё пара футов, и они проедут.

– Остановите их! – вдруг заорал кто-то.

От заправки к ним бежал Говард, позади нёсся Орк. Коржик преградил путь гольф-кару.

– Не останавливайся, – прошипел Сэм Эдилио.

– Осторожно, парень! – крикнул тот Коржику, успевшему в последнюю секунду отпрыгнуть в сторону.

Пацан с молотком размахнулся, деревянная рукоятка ударила о стальную стойку, поддерживавшую навес кара. Оголовье молотка отвалилось и едва не угодило Квинну по макушке.

– Ты мне чуть башку не проломил, дебил! – завопил тот, когда они проехали мимо.

Гольф-кар уже отъехал футов на тридцать.

– Задержите их, идиоты! – заорал Орк.

Коржик был увальнем, зато второй мальчишка – мелким и шустрым. Он бросился вдогонку, за ним поспешили Говард и Орк. Говард легко обогнал тяжеловесного и медлительного Орка.

– Лучше остановитесь! – тяжело сопя орал мальчишка с рукояткой молотка, бежавший рядом с гольф-каром.

– Лучше, говоришь? Не думаю, – ответил Сэм.

– Я тебя сейчас проткну этой палкой! – пригрозил явно выдохшийся пацан и сделал слабую попытку уколоть его острым концом обломившейся рукояти.

Сэм ловко поймал её, дёрнул, мальчишка споткнулся и растянулся на дороге. Сэм презрительно отшвырнул палку.

Однако Говард уже их догонял. Астрид и Квинн спокойно наблюдали, как тот, тяжело дыша, размахивает тощими руками, точно ветряная мельница. Оглянувшись, он вдруг понял, что Орк, безнадежно отстав, прекратил бесполезное преследование.

– Говард, что ты вытворяешь? – ровным голосом спросил Квинн. – Бежишь за нашей машиной словно дворняжка. Ну, догонишь ты нас, и что делать будешь?

Говард, вняв доводам разума, притормозил.

– Прямо черепаши гонки, – сказал ему Эдилио. – Глядишь, нас с тобой ещё в новостях покажут.

Его слова вызвали у остальных нервный смех, сразу, впрочем, сошедший на нет.

– За нами едет внедорожник. Быстро едет, – сказала Астрид. – Нам лучше свернуть на обочину.

– Не собираются же они нас давить, – возразил Квинн. – Даже Орк не настолько чокнутый.

– Неважно, что они, там, собираются или не собираются, Квинн. За рулём «Хаммера» – четырнадцатилетний мальчишка. Ты уверен, что хочешь встать на его пути?

Квинн поёжился:

– Из нас сделают отбивную.

Глава 10. 274 часа, 27 минут

«ХАММЕР» ВЫПИСЫВАЛ на дороге кренделя, но было ясно: их скоро нагонят.

– Едем дальше или сдаёмся? – Эдилио вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев.

– Ох, и надерут же они нам задницу! – заныл Квинн. – Надо было сразу остановиться! Я ж говорил, но нет!

«Хаммер» неумолимо приближался.

– Они сейчас в нас врежутся! – закричала Астрид.

Квинн выпрыгнул из гольф-кара и побежал. «Хаммер» рывком остановился, оттуда выскочили Коржик и Молоток и рванули за Квинном.

– Съезжай на обочину, – сказал Сэм, спрыгнул и тоже бросился вдогонку.

Квинн попытался перепрыгнуть через кювет, оступился и упал. Два хулигана нависли над ним прежде, чем он смог подняться. Сэм с разбегу прыгнул на Коржика и сбил его с ног.

Коржик плюхнулся на живот, выронил битую и полез на Квинна с кулаками. Сэм бросился к бите. Тем временем, Молоток, Эдилио и Квинн сцепились в драке. Впрочем, она быстро закончилась. Квинн с Эдилио встали на ноги, а незнакомый мальчишка остался лежать на земле. Однако ему на помощь уже спешили Орк и Говард.

Орк размахнулся и ударил Эдилио битой под колени. Тот упал как подкошенный. Сэм, крепко держа битую Коржика, встал между Эдилио и Орком и крикнул:

– Я не хочу с тобой драться!

– Знаю, – нагло ухмыльнулся Орк. – Со мной никто не хочет драться.

– Прекратите немедленно! – Астрид подбежала к ним. – Нам не нужно всей этой пакости.

Её кулаки были крепко сжаты, в глазах стояли слёзы, но выглядела она, скорее, рассерженной, чем испуганной.

– Отвали, Астрид, – между ней и Орком влез Говард. – Мой друг Орк желает проучить этого сопляка.

– Отвалить?! – рявкнула Астрид. – Как ты смеешь мне указывать? Ты... бесхребетное существо!

– Астрид, не вмешивайся, я сам с ними разберусь, – сказал Сэм.

Эдилио пытался выпрямиться, но он едва мог стоять.

– А чего так? Пусть она говорит, – неожиданно поддержал девочку Орк.

В крови Сэма бурлил адреналин, так что он едва понимал слова Орка, однако уяснив их, захлопнул рот. Астрид глубоко дышала. Её волосы растрепались, лицо покраснело. Справившись, наконец, с эмоциями, она сказала:

– Мы не хотим драки.

– Говори за себя, – проворчал Коржик.

– Послушайте, это какое-то безумие. Мы просто ищем моего брата.

– Идиота, что ли? – прищурился Орк.

– Он аутист, – резко поправила Астрид.

– Я и говорю, Питиот-идиот, – ослабил Орк, но дальше решил не заходить.

– Вы должны были остановиться, Сэмми, – Говард поцокал языком и печально покачал головой.

– А я им говорил! И меня же теперь побили, – Квинн зло махнул рукой на Сэма.

– Тебе лучше было послушаться своего приятеля, Сэм, – Говард удивлённо покосился на Квинна. – Я ведь предупреждал тебя вчера вечером, что забочусь о моём друге Орке.

– Заботишься о нём? Что ты имеешь в виду? – спросила Астрид.

– Вы должны выказывать уважение к Капитану Орку, вот что я имею в виду, – холодно ответил Говард.

– Капитан Орк? – Сэм едва удержался от смеха.

– Вот именно. Капитан, – вскинулся Говард, осмелевший в присутствии главаря. – Кто-то должен сделать шаг вперёд и взять ответственность на себя. Ты у нас занят по горло, насколько я понимаю, сёрфинг там, то да сё. Поэтому командовать будет Капитан Орк.

– Кем командовать? – спросил Квинн.

– Всеми вами. Чтобы не наделали глупостей.

– Ага, – кивнул Орк.

– Дети вламываются куда хотят и берут всё, до чего могут дотянуться, – продолжил Говард.

– Ага.

– А ведь ещё есть всякие молокососы, в смысле, – малявки, которым надо вытирать носы и менять подгузники. Наш уважаемый Орк проследил, чтобы о них позаботились, – Говард широко улыбнулся. – Можно сказать, утешил их. Ну, или хотя бы проследил, чтобы кто-нибудь это сделал.

– Так и есть, – согласился Орк, хотя по его тону было заметно, что он слышит обо всём этом впервые в жизни.

– Никто больше не захотел брать на себя ответственность. Это сделал Орк. Поэтому до возвращения взрослых, он – наш Капитан.

– Вот только они никогда не вернуться, – прибавил Орк.

– Совершенно верно, – поддакнул Говард. – Слышали, что сказал Капитан?

Сэм покосился на Астрид. С одной стороны, народ действительно надо было призвать к порядку. С другой, – Орк был последним, на которого пал бы выбор Сэма. С третьей, самому Сэму ужасно не хотелось этим заниматься.

Драка, считай, закончилась. Теперь, когда они стояли друг против друга лицом к лицу, сомнений в том, кто победит, не оставалось. Четверо на четверых, но среди хулиганья был Орк, который один шёл по меньшей мере за троих.

– Мы просто хотим найти малыша Пита, – наконец произнёс Сэм, проглатывая обиду.

– Да? Когда что-нибудь ищешь, лучше не торопиться, – осклабился Говард.

– Вы просто хотите отнять у нас гольф-кар.

– Ну, а я о чём толкую? – Говард смиренно развёл руками.

– Считайте, это что-то вроде налога, – добавил Молоток.

– Именно! – согласился Говард. – Налог.

– А ты откуда? – спросила Астрид у Молотка. – В нашей школе я тебя не видела.

– Я из «Академии Коутс».

– Моя мама работает там ночной медсестрой, – сказал Сэм.

– Работала, – уточнил мальчишка.

– Ну и зачем ты к нам явился? – продолжала допытываться Астрид.

– Не сошёлся с тамошними характером, – небрежно хохотнул Молоток, но эффект был подпорчен тенью страха в его глазах.

– А взрослых у вас там не осталось? – с надеждой поинтересовался Сэм.

– Уси-пуси, Сэмми хочет к мамочке, – ухмыльнулся Говард.

– Забирайте гольф-кар, – сказал Сэм.

– Вот только не надо на меня так смотреть, чувак. Я же тебя насквозь вижу, Сэм-Школьный-Автобус. Сэм-Пожарный. Сперва корчишь из себя героя, а потом исчезаешь, так? Приходишь и уходишь. Вчера все только и спрашивали: «Где Сэм? Где Сэм?», и я вынужден был сказать: «Народ, Сэм свалил с Астрид-Гением, потому что Сэму не по душе общество таких серых личностей, как мы с вами. Он предпочёл компанию своей подружки-блондинки».

– Она вовсе не моя подружка, – возразил Сэм и тут же пожалел об этом. Говард захохотал, довольный своей провокацией.

– Послушай, Сэм, пока ты делал вид, что слишком хорош для нашего маленького мирка, мы с Капитаном Орком и наши парни всегда были рядом с народом. Так что уйди, не стой у нас на пути.

Сэм почувствовал взгляды Астрид и Квинна, явно ждавших, что он сейчас примется спорить с Говардом. Вот только к чему? Ведь он действительно знал, что дети на площади ждали от него помощи, тут Говард был прав. Однако Сэм предпочёл сбежать. Поиск брата Астрид – это лишь повод.

– Мне всё это надоело, – прорычал Орк.

– Окей, Сэмми, – улыбнулся Говард. – Давайте, ищите своего мелкого Питиота, но не забудьте и о подарочке Капитану Орку, который теперь управляет УРОДЗ. Так-то чувачок.

– Чем-чем управляет? – переспросила Астрид.

– Моя идея, – Говарда прямо-таки распирало от гордости. – УРОДЗ. У-РОДЗ. Улица Радиоактивных Отходов – Детская Зона. Никого, кроме детей, – он рассмеялся, если, конечно, эти звуки можно было назвать смехом. – Не дёргайся, Астрид. Просто УРОДЗ. Усекла?

Когда Лана открыла глаза, день жарко светил ей в лицо. В небе продолжали кружить зловещие крылатые тени, то и дело перекрывая солнце. Грифы наблюдали и ждали, уверенные, что еда никуда от них не денется.

Её язык так распух, что едва ворочался во рту, сделавшись похожим на кляп. Губы потрескались. Она умирала. Лана повернула голову в поисках несчастного пса. Он должен был лежать рядом с ней. Лабрадора нигде не было. Вдруг до неё донёсся залиvistый лай.

– Патрик!

Пёс, весёлый и довольный подбежал к ней и принялся прыгать, предлагая встать и поиграть с ним. Здоровой рукой Лана ошупала его шею. Шерсть заскорузла от запёкшейся крови. Попыталась найти место, где была рана. Там обнаружилась лишь подсохшая корочка. Кровь не текла, а судя по поведению Патрика, пёс никогда в жизни не чувствовал себя лучше. Может, ей всё это приснилось? Да нет, шерсть-то в крови.

Лана сосредоточилась, пытаясь вспомнить то, что было перед тем, как на неё навалился сон. Может, она молилась и произошло чудо? Но Лана не помнила, чтобы молилась. Она была не тем человеком, который находит утешение в молитвах.

Значит, это сделала она сама? Каким-то образом исцелила Патрика? Лана чуть не рассмеялась. Она явно бредит или сошла с ума. Навоображала всякого.

Свихнулась от боли, жажды и голода. Короче, спятила.

Вдруг она почувствовала какую-то вонь. Запах был сладковатым и противным. Лана скосила глаза на правую руку. Кожа над переломанными костями натянулась и потемнела, почти чёрная кромка сменялась грязноватой прозеленью. Запах был очень скверным.

Борясь с подступившим ужасом, Лана сделала несколько медленных, судорожных вдохов. Она слышала о гангрене. Если в тканях не циркулирует кровь, они отмирают и начинается гангрена. Её рука умирала, воняя сгнившим мясом.

В нескольких футах приземлился гриф и, склонив голову на длинной голой шее, уставился на девочку глазками-бусинками. Грифу было хорошо знаком этот запах. Патрик залаял и кинулся на птицу. Та неохотно улетела.

– Перебьёшься, – прохрипела Лана, но слабость собственного голоса испугала её ещё больше.

Грифы до неё доберутся, обязательно доберутся.

Однако рядом был Патрик, совершенно выздоровевший после раны, казавшейся смертельной. Лана положила левую руку на свой перелом. Кожа под засохшей кровью была горячей

и отёкшей. Она закрыла глаза и подумала: *«Что бы ни случилось с Патриком, я хочу, чтобы это произошло и со мной. Я не хочу умирать, не хочу!»*

Всё больше впадая в забытё, она думала о доме. О своей комнате, о плакатах на стене, о ловце снов у окна, о подзабытых плюшевых зверушках в плетёной корзинке, о шкафе, лопавшемся от одежды, о коллекции азиатских вееров, которую все считали странной причудой.

Злость на родителей прошла. Лана по ним скучала. Больше всего на свете она хотела к маме. Ну, и к папе, разумеется. Он бы точно её спас.

Лане снились горячечные сны, полные картин, от которых перехватывало дыхание, а сердце билось как молот. Она чувствовала, что погружается в тонкую земную кору, тонкую кожу, вроде оболочки воздушного шарика. Под ней находилось пространство, вихрящееся облаками и языками пламени. А там, далеко внизу ожидало чудовище. Что-то из детства, вроде буки, из-за которого она часто просыпалась в слезах по ночам.

Чудовище было грубо вытесано из живого камня. Хитрый, медлительный зверь с горящими чёрными буркалами. Внутри его билось сердце. Только оно не красное, а зелёное. Вдруг сердце треснуло, словно яйцо, и оттуда вырвался ослепительный жгучий свет.

Лана проснулась от собственного крика и резко села, как всегда, когда ей снился кошмар. Она села.

Боль была ужасной. Голова гудела, спина разламывалась, а её... Лана уставилась на правую руку и тут же обо всём забыла, даже дышать перестала. Забыла о боли в голове, спине и ноге. Потому что рука не болела.

Рука была прямой. Вновь сделалась ровной, нормальной рукой от локтя и до запястья. Гангренозные пятна пропали, запах смерти исчез. На коже оставалась запёкшаяся кровь, но это была сущая чепуха.

Лана подняла дрожащую правую руку. Рука двигалась. Медленно сжала кулак. Пальцы слушались.

Это было невероятно. Невозможно. Она столкнулась с тем, чего не могло быть.

Однако боль не лжёт. Прежде рука болела, а теперь – нет, если не считать тупого пульсирования.

Лана положила левую ладонь на вывихнутую ногу. Дело оказалось не быстрым, и потребовалось немало времени. Она ослабела от голода и жажды, но упорно продолжала удерживать ладонь на месте. Чудо произошло лишь где-то через час. Лана Арвен Лазар встала.

Два грифа опустили на перевёрнутый пикап.

– Боюсь, птички, вы ждали напрасно, – сказала она им.

Глава 11. 273 часа, 39 минут

СЭМ, КВИНН, ЭДИЛИО и Астрид шли по дороге, а вслед им неслись оскорбления и насмешки.

– Мальчики, с вами всё в порядке? – спросила Астрид.

– Конечно, – отозвался Квинн. – Если не считать здорового синяка на спине и того, что мне намяли бока ни за что, ни про что. А так я в полнейшем порядке. Это был классный план, Сэм, чувак. Всё прошло как по маслу. У нас отняли гольф-кар, избili и унизили.

Сэм подавил желание накричать на друга. В конце концов, Квинн был прав. Сэм проголосовал за то, чтобы не останавливаться, и они за это заплатились.

Слова Говарда жалили, точно осы. Как будто этот мелкий червяк содрал с Сэма кожу, показав всему миру, каков он на самом деле. Сэм вовсе не считал себя лучше других, но ведь он действительно не пожелал выйти вперёд. У него имелись на то причины, однако теперь они казались несущественными, по сравнению со стыдом перед друзьями, от которого сторал Сэм.

– Со мной всё хорошо, не о чем говорить, – ответил Эдилио Астрид. – Боль уже проходит.

– Ну да, ну да, выпендривайся и дальше, Эдилио, – усмехнулся Квинн. – Может, тебе нравится, когда тебя лупят, а мне нет. И теперь, значит, нам надо пешком топать на АЭС, чтобы найти сопляка, который даже не понимает, что потерялся?

Сэм сдержал гнев и сказал, как можно спокойнее:

– Квинн, тебя никто туда идти не заставляет.

– Не заставляет, говоришь? – Квинн схватил его за плечо. – То есть, ты хочешь, чтобы я отвалил?

– Вовсе нет. Ты – мой лучший друг.

– Я – твой единственный друг.

– С этим не поспоришь, – признал Сэм.

– Всё, что я хочу понять, от кого тебе по наследству досталась корона? – спросил Квинн. – Ты ведёшь себя так, словно ты тут главный босс. С чего бы? Почему я должен слушаться твоих приказов?

– Я тебе ничего не приказывал, – сердито сказал Сэм. – Я вообще не хочу никому приказывать. Если бы хотел, стоял бы сейчас на площади и указывал остальным, что им делать. Квинн, если считаешь нужным, бери руководство на себя, – тихо добавил он.

– Я никогда не говорил, что хочу кем-то командовать, – фыркнул Квинн, немного остывая, мрачно посмотрел на Эдилио, потом перевёл настороженный взгляд на Астрид. – Просто всё это странно, брат. Прежде были только ты и я, верно?

– Ну, да.

– Мне просто хочется, чтобы мы взяли борды и отправились на пляж, чтобы все стало так, как раньше, – плаксиво продолжил Квинн и вдруг, словно его прорвало, принялся кричать: – Где все? Почему никто не приходит нам на помощь? Где мои родители?

Они двинулись дальше. Эдилио прихрамывал, Квинн, приотстав, бормотал что-то себе под нос. Сэм шагал рядом с Астрид, всё ещё смущённый её присутствием.

– Ты заставила Орка сдать назад, – сказал он. – Спасибо.

– Я занималась с ним математикой после уроков, – криво усмехнулась она. – Он меня немного стесняется. Но не стоит особо на это уповать.

Они шли посередине автострады. Было странно видеть жёлтую разделительную полосу у себя под ногами. Очень странно.

– Улица Радиоактивных Отходов – Детская Зона, – произнесла Астрид.

– Угу. А ведь название может прижиться, – сказал Сэм.

– В этом что-то есть. Тебе не кажется? Я имею в виду «Улицу Радиоактивных Отходов»?

- Напекаешь на аварию на АЭС? – Сэм пристально взглянул на Астрид.
- Сама не знаю, на что я намекаю, – пожала она плечами.
- Но ты считаешь, что здесь есть связь? Взрыв атомного реактора или что-то в этом роде?
- Электричество не пропало, а Пердидо-Бич полностью обеспечивается электроэнергией с нашей АЭС. Следовательно, так или иначе, а электростанция работает.
- Слушайте, а чего мы пешком топаем? – Эдилио вдруг остановился.
- Потому что подонок Орк и его шестёрка Говард отняли у нас кар, – сказал Квинн.
- Посмотри-ка туда, чувак, – Эдилио показал на машину, съехавшую с дороги в кювет. В велобагажнике стояли два велосипеда.
- Мне кажется неправильным брать чужие велики, – произнесла Астрид.
- Забей, – отмахнулся Квинн. – Неужели до сих пор не поняла? Вокруг нас – новый мир.

УРОДЗ.

- Да, Квинн, я понимаю, – ответила Астрид, не сводя глаз с парящей над ними чайки.
- Они сняли велосипеды. Квинн поехал с Эдилио, Астрид – с Сэмом. Её развевающиеся волосы щекотали его лицо. Сэм даже огорчился, когда они нашли ещё два велосипеда.
- Прямо до АЭС автострада не доходила, пришлось свернуть на боковую дорогу. На повороте стояла сторожевая будка, путь преграждал красно-белый полосатый шлагбаум вроде тех, которые устанавливают на железнодорожных переездах. Они просто объехали его по обочине.
- Дорога петляла между холмов, покрытых жухлой травой и желтыми полевыми цветами. Рядом с АЭС не было ни домов, ни иных зданий. Лишь сотни акров пустой земли вокруг. Крутобокие холмы, редкие деревья, луга и пересохшие ручьи.

Наконец, дорога свернула к скалистому побережью. От зрелища захватывало дух, однако прибой, обычно бурный, сегодня едва шелестел. Дорога то взбиралась вверх, то уходила вниз, прячась между холмами, затем вновь выныривала на открытое место, откуда был виден океан.

- Впереди будет ещё один пост охраны, – предупредила Астрид.
- Если там найдётся живой охранник, я его расцелую, – отозвался Квинн.
- Здесь всё просматривается и патрулируется, – продолжила Астрид. – АЭС охраняет чуть ли не настоящая армия.
- Охраняла, – поправил её Сэм.

Они подъехали к забору из сетки-рабицы с колючей проволокой поверху. Левая часть забор тянулась вниз, к скалам, правая – исчезала в холмах. Караулка здесь была куда более основательной и выглядела настоящим фортом, способным выдержать серьёзную атаку. Ворота представляли собой секцию всё той же рабицы. Наверное, чтобы их поднять, надо было нажать кнопку в караулке.

- И как нам перебираться? – спросила Астрид, разглядывая препятствие.
- Кто-нибудь перелезет через ворота, – ответил Сэм. – Камень, ножницы, бумага? Мальчишки сыграли, и Сэм проиграл.
- Бумага? Ну, ты даёшь! – захихикал Квинн. – Прежде в первом туре ты всегда начинал с ножниц.

Сэм быстро вскарабкался по сетке, однако колючая проволока его задержала. Сняв рубашку, он накинул её поверх самого опасного участка проволоки. Осторожно перекинул ногу и ойкнул, когда колючка ужалила в бедро. Перебравшись на ту сторону, он спрыгнул на землю, оставив рубашку висеть на воротах.

Кондиционеры в караулке работали на полную катушку, и Сэм сразу пожалел, что не забрал рубашку. Ряд цветных мониторов показывал дорогу, по которой они только что проехали, а также целый калейдоскоп окрестных ландшафтов: океан, скалы, холмы. На некоторых экранах были изображения дверей, защищённых кодовыми замками. В туалете Сэм заметил свисающий с крючка шнурок с электронным пропуском и повесил себе на шею.

В шкафу главной комнаты обнаружилась серо-зелёная военная куртка, на несколько размеров больше, чем ему было нужно. У стены – запёртая стойка с автоматами и пистолетами. От неё пахло смазкой и серой. Сэм долго смотрел на оружие. Пистолеты против бейсбольных бит?

– Не ступай на этот путь, – пробормотал себе Сэм.

Он вышел и решительно прикрыл за собой дверь, однако ладонь немного задержалась на ручке. Сэм потряс головой. Нет. Время ещё не пришло.

Пока не пришло.

От сильного искушения его даже затошнило. Что с ним стало? Как он мог хоть на секунду подумать о таком?

Сэм нажал кнопку, открывая ворота.

– Чего так долго? – подозрительно спросил Квинн.

– Рубашку себе искал.

Электростанция была абсолютно пустой. Обширный, даже внушительный, комплекс зданий, похожих на склады, над которыми возвышались два огромных бетонных купола, напоминающих колокола.

Разговоры об АЭС сопровождали Сэма всю его жизнь. Иногда казалось, что здесь работает добрая половина жителей Пердидо-Бич. Ребёнком он постоянно слышал заверения о полной безопасности АЭС и не боялся атомной энергии. Однако сейчас, увидев всё своими глазами, почувствовал себя неуверенно: АЭС напомнила ему умного зверя, припавшего у подножия гор над морем, ощетинив заливов.

– Здесь хватит места для всего Пердидо-Бич, – проговорил Сэм. – Я никогда не видел АЭС вблизи и не представлял, насколько она велика.

– Напоминает собор Святого Петра, который я видел в Риме, – сказал Квинн. – Ох, и здоровенный же соборище! Смотришь на него и чувствуешь себя букашкой. Хочется встать на колени, просто на всякий случай.

– Глупый вопрос, но не угрожает ли нам радиация? – спросил Эдилио.

– Тут тебе не Чернобыль, – ехидно сказала Астрид. – У них даже градирен не было. Это две вон те большие башни. Сами реакторы находятся под куполами, поэтому если что случится, радиоактивные газы и пар останутся внутри.

– Не дрейфь, – Квинн с фальшивой дружелюбностью хлопнул Эдилио по плечу. – Не о чем беспокоиться. Хотя... это местечко прозвали «Улицей Радиационных Осадков». С чего бы, а? Ведь АЭС совершенно безопасна.

Квинн и Сэм знали, конечно, эту историю. Астрид, сжавшись над Эдилио, показала на один из двух куполов.

– Они немного разные по цвету, видишь? Это потому, что второй поновее. Тот самый, в который угодил метеорит. Почти пятнадцать лет назад. Сам подумай, каковы шансы, что это случится вновь?

– А каковы были шансы в первый раз? – пробурчал Квинн.

– Метеорит? – эхом повторил Эдилио и посмотрел на небо.

Солнце уже миновало зенит и стояло над водой.

– Маленький метеорит, двигавшийся с огромной скоростью, – пояснила Астрид. – Он пробил защитную оболочку ядерного реактора и проник дальше. На самом деле, нам повезло, что его скорость была столь высока.

Сэм увидел всё как наяву: космическая каменюка с огненным хвостом на невероятной скорости несётся к Земле и вдребезги разбивает бетонный купол.

– Почему повезло? – спросил Сэм.

– Метеорит вошёл в скалу, как гвоздь в доску, и унёс с собой девяносто процентов уранового топлива. На глубину около ста футов. Так что осталось, грубо говоря, заполнить бетонном кратер, запечатать его и восстановить реактор.

– Я слышал, один человек тогда погиб.

– Да, инженер. Полагаю тот, который работал в зоне реактора.

– Хочешь сказать, что под землёй теперь куча урана, и все считают, что никакой опасности нет? – скептически спросил Эдилио.

– Куча урана и кости того чувака, – сказал Квинн. – Добро пожаловать в Пердидо-Бич, наш девиз «Радиация? Какая радиация?».

Теперь их вела Астрид, много раз посещавшая АЭС с отцом. Она подошла к неприметной, безо всякой таблички двери в боковой бетонной плите турбинного зала. Сэм приложил электронный пропуск, замок щёлкнул, дверь открылась.

За ней обнаружилось похожее на пещеру помещение с крашеным бетонным полом и высоким потолком из перекрещенных двутавровых балок. Внутри стояли четыре огромных, больше локомотива, генератора. Шум был невообразимый.

– Это и есть турбины, – закричала Астрид, преодолевая ураганный рёв. – Расщепляясь, уран нагревает воду, которая превращается в пар. Пар поступает сюда, вращает турбины и производит электричество.

– Ты точно уверена, что это не гигантские хомячки, бегающие в колесе? – прокричал в ответ Квинн. – Что же, значит, меня неправильно информировали.

– Думаю, надо начать с этого зала, – крикнул Сэм и посмотрел на Квинна.

Тот, кривляясь, отдал ему честь.

Они разбрелись по турбинному залу. Астрид напомнила им, что Пити не придёт, сколько ни зови. Единственный способ найти малыша – это осмотреть каждый уголок и закоулок, куда может забраться маленький ребёнок.

Пита здесь не оказалось.

Астрид махнула им рукой, предлагая двигаться на выход. Лишь миновав две двери, они смогли нормально говорить.

– Идёмте в диспетчерскую, – сказала Астрид и повела их по сумрачному коридору.

Диспетчерская выглядела несколько допотопно и чем-то напоминала центр управления полётами НАСА: старомодные компьютеры, мерцающие экраны, бесконечные панели с бесконечными рядами переключателей, помаргивающих лампочек и древних портов для передачи данных.

На полу, покачиваясь взад и вперёд, сидел малыш Пит и играл в видеоигру с выключенным звуком.

Астрид не кинулась к брату. Если бы Сэма спросили, он бы сказал, что её лицо выглядит огорчённым. Она сразу как-то усохла, но заставила себя улыбнуться и подойти к мальчику.

– Пити, – позвала она так спокойно, словно брат никогда не терялся, словно всё это время они были вместе, и нет ничего странного в том, что одинокий ребёнок сидит на полу диспетчерской АЭС и играет в покер на «Гейм-Бое».

– Слава Богу, что пацана не занесло к реакторам, – сказал Квинн. – Если бы нам пришлось искать его там, я бы сказал твёрдое «нет».

Эдилио согласно кивнул.

Пит был веснушчатый четырёхлетним малышом с такими же светлыми, как у сестры, волосами. Миловидностью он походил на девочку. Он не выглядел ни заторможенным, ни глупым. Напротив, не зная вы его диагноза, решили бы, что перед вами нормальный, возможно даже очень умный малыш.

Однако когда Астрид его обняла, Пит никак на это не отреагировал. Только через минуту он поднял руку и отрёшённо дотронулся до её волос.

– У тебя хоть было что поесть? – спросила Астрид, потом поправилась: – Ты голоден?

Разговаривая с Пити, она брала его личико в ладони, закрывала брату боковой обзор и отчасти уши, близко наклонялась и произносила слова ровным голосом, тщательно их проговаривая.

– Ты голоден? – повторила она медленно и твёрдо.

Пит моргнул, потом кивнул.

– Окей, – ответила Астрид.

Эдилио, сосредоточенно хмурясь и морща лоб, осматривал электронику диспетчерской, занимавшую целую стену.

– По-моему, всё выглядит нормально, – наконец объявил он.

– Извини, я запомнил, ты у нас инженер-ядерщик или водитель гольф-кара? – скрикнулся Квинн.

– Я просто смотрю на показания приборов, чувак. Зелёный – значит «всё в порядке», не согласен? – Эдилио подошёл к низкому изогнутому столу, на котором стояли три монитора, а перед ними – три потёртых вращающихся кресла. – А так я даже прочитать это не могу, – признался он, склоняясь к экрану, – сплошные цифры и символы.

– Схожу в комнату отдыха, поищу что-нибудь поесть для Пити, – сказала Астрид.

Однако стоило ей направиться к двери, как Пит захныкал. Звук был жалобным, словно скулил щенок. Астрид умоляюще посмотрела на Сэма:

– Обычно он даже не замечает меня. Терпеть не могу его покидать, когда он пытается общаться.

– Я схожу за едой, – кивнул Сэм. – Что он любит?

– От шоколадки, по крайней мере, никогда не откажется. Он... – Астрид хотела что-то добавить, но передумала.

– Ладно, чего-нибудь найду.

Эдилио подошёл к настенному плазменному экрану, казавшемуся здесь самым современным оборудованием. Квинн, плюхнувшись в кресло, тоже уставился на экран, вертясь туда-сюда:

– Слушай, Эдилио, поищи другой канал, этот какой-то нудный.

– Это карта, – пояснил тот. – Вот Пердидо-Бич. И ещё небольшие городки за холмами. Они тянутся до самого Сан-Луиса.

Карта светилась голубым, белым и розовым. В центре её краснело пятно, похожее на яблочко мишени.

– Розовый цвет обозначает область, куда в случае аварии выпадут радиоактивные осадки, – пояснила Астрид. – Красный – близлежащая зона, где радиационное загрязнение будет наиболее сильным. Всё рассчитывается исходя из розы ветров, рельефа местности, течений и такого прочего. Карта постоянно обновляется.

– То есть, красный и розовый означают опасность? – уточнил Эдилио.

– Да. Это шлейф, где радиоактивные осадки будут выше уровня нормы.

– Большая зона получается, – сказал Эдилио.

– Вообще-то, это странно, – Астрид подняла Питу на ноги и подошла к карте. – Никогда не видела, чтобы она так выглядела. Обычно шлейф уходит в глубь суши, поскольку ветры в основном дуют с моря, как вы знаете. Иногда он вытягивается до самой Санта-Барбары. Ну, или в сторону национального парка. Зависит от погоды.

Розовая зона на карте представляла собой идеальный круг, в центре которого находился красный кружок.

– Видимо, компьютеры не получают спутниковых данных о погоде, – предположила Астрид. – Поэтому они вернулись к настройкам по умолчанию: красная зона – десятимильный радиус, розовая – стомильный.

Сэм уставился на карту. Хоть и не сразу, но он нашёл на ней Пердидо-Бич, знакомые пляжи и другие места.

– Весь наш город в красной зоне, – заметил он, и Астрид кивнула. – Её граница доходит до южной окраины.

– Да.

Сэм покосился на неё, пытаясь понять, видит ли она то же, что и он.

– Она проходит прямо по «Вершинам».

– Да, – медленно повторила Астрид. – Именно так.

– Думаешь...

– Ага. Думаю, это чертовски странное совпадение: барьер идёт как раз по границе красной зоны. По крайней мере, насколько нам известно его местоположение. Однако мы не знаем, включает ли он красную зону целиком.

– Получается, произошла утечка радиации?

– Сомневаюсь, – Астрид покачала головой. – В таком случае здесь бы повсюду включились сирены. Но вот что странно... По-моему, причина и следствие поменялись местами. УРОДЗ отрезал компьютеры от данных о погоде, и те вернулись к режиму «по умолчанию». Сначала возник УРОДЗ, потом произошли изменения в карте, верно? Тогда почему барьер УРОДЗ точно повторяет границы карты, которую сам же и смоделировал?

– Я, наверное, слишком устал, – Сэм покачал головой и грустно улыбнулся. – Совершенно не врубаюсь, о чём ты толкуешь. Пойду лучше поищу еду.

Выйдя из диспетчерской, он направился по коридору в направлении, указанном Астрид. Оглянувшись, он увидел, что она продолжает сосредоточенно и хмуро смотреть на карту.

Астрид заметила взгляд Сэма, их глаза встретились. Она вздрогнула, точно он поймал её на чём-то предосудительном, и обняла Пита, будто стремилась его защитить. Тот же вновь с головой ушёл в игру. Астрид посмотрела вниз, глубоко вздохнула и решительно отвернулась.

Глава 12. 272 часа, 47 минут

– КОФЕ, – МЭРИ ПРОИЗНЕСЛА это слово так, словно оно было волшебным. – Мне нужен кофе.

Она находилась в тесной воспитательской комнате детского сада. Стояла перед открытым холодильником и высматривала что-нибудь, что можно предложить маленькой девочке, упорно отказывающейся есть. Мэри настолько устала, что чуть не валилась с ног. И тут увидела кофеварку. Мама, когда уставала, всегда варила себе кофе. Взрослые всегда варили кофе в таких случаях.

В ответ на её отчаянную мольбу о помощи, Говард притащил в садик упаковку подгузников... «Хаггис» для новорождённых. Ну и к чему они им? Ещё он принёс два галлона молока и крекеры. В качестве бэбиситтера – отрядил Панду, ещё более бесполезного, чем младенческие подгузники. Мэри вынуждена была выгнать этого горе-помощника, услышав, что тот угрожает надавать тумачков плачущему трёхлетке.

Близнецы Энн и Эмма пришли сами. Людей всё равно катастрофически не хватало, однако благодаря сёстрам она смогла поспать часа два.

Проснувшись утром, вернее – уже в полдень, – Мэри долго не понимала, на каком она свете. В голове стоял такой туман, что в первые несколько секунд она даже не могла сообразить, где находится и сколько сейчас времени.

Мэри никогда не варила кофе, но много раз видела, как это делают другие. Со слипающимися глазами попыталась вспомнить. Нужна мерная ложечка и... фильтры.

Результата её первого опыта пришлось ждать долго. Мэри минут десять сидела за столом, тупо уставившись на кофеварку, и только потом сообразила, что забыла налить воду. Когда она это сделала, кофеварка изрыгнула облако пара. Зато уже через пять минут Мэри получила целый кувшин ароматного кофе.

Она налила себе кружку и осторожно сделала глоток. Напиток был очень горячим и очень горьким. Мэри не могла позволить себе разбрасываться молоком, поэтому просто положила две полных ложки сахара.

Попробовала. Стало лучше. Не бог весть что, но пить можно.

С кружкой в руке Мэри вернулась в главную комнату. Как минимум шестеро детей плакали, им надо было сменить подгузники, а самых младших – снова кормить. Трёхлетняя девочка с пушистыми светлыми волосиками, увидев Мэри, бросилась к ней. Та, забывшись, присела. Кофе выплеснулся из кружки, капли попали на шею и плечо девочки. Она завопила.

– О, господи, – вырвалось у перепуганной Мэри.

– Что случилось? – к ней подбежал Джон, уставился на ревущую девочку и застывшую от ужаса сестру.

– Боже, что тут у вас? – к ним уже спешила Энн с ребёнком на руках.

Малышка продолжала вопить. Осторожно поставив чашку на стол, Мэри пулей выскочила из здания.

Она бежала к дому, располагавшемуся в двух кварталах от детского садика. Рывком отворив дверь, залетела внутрь, почти ничего не видя от слёз и сотрясаясь в рыданиях.

Дома было прохладно и тихо. Всё как всегда. Если не считать полной тишины, из-за которой рыдания напоминали хриплый звериный рык.

– Всё будет хорошо, всё будет хорошо, – попыталась утешить себя Мэри ложью, которую постоянно твердила детям.

Однако это немного помогло. Она села за кухонный стол, уронила голову на руки, намереваясь ещё немного поплакать, но слёз больше не было. Какое-то время Мэри сидела, вслу-

шиваясь в собственное дыхание и рассматривая деревянную столешницу. От переутомления перед глазами всё плыло.

Ей не верилось, что родители исчезли. Где же они? Где вообще все?

Спальня с кроватью находилась прямо у неё над головой, только по лестнице подняться. Нет, нельзя. Стоит ей уснуть, и она проспит неизвестно сколько часов. Дети нуждаются в ней. А её брат, бедный Джон? Он же как-то справляется, она совершенно расклеилась.

Мэри открыла морозилку. Там лежало мороженое. Ведёрко «Бен-энд-Джерри» с кусочками брауни, батончик «Дав». Она может их съесть, и ей станет лучше.

Она может их съесть, и ей станет хуже.

Потому что начав, она уже не остановится. Если она примется за еду в таком состоянии, то не остановится до тех пор, пока ей не станет стыдно. И придётся вызывать рвоту.

С десятилетнего возраста Мэри страдала булимией. Неконтролируемое обжорство чередовалось с вызовами рвоты, потом всё повторялось заново, причём циклы неуклонно сокращались. В итоге, у неё накопилось сорок фунтов лишнего веса, а зубная эмаль сделалась шероховатой и потемнела от желудочного сока.

Мэри довольно долго удавалось скрывать проблему. В конце концов родители обо всём узнали. Начались походы к врачам и поездки в специальные лагеря, а когда и это не помогло, настал черёд лекарств. Кстати, надо будет не забыть взять пузырёк из аптечки.

Лишь начав принимать прозак, Мэри почувствовала себя лучше. Аппетит пришёл в норму. Не требовалось вызывать рвоту. Она даже немного похудела.

Но сейчас-то почему не поесть? Почему нет?

Морозилка вновь дохнула морозным воздухом. Мороженое. Шоколадное. Определённо, капелька мороженого ей не повредит. В порядке исключения. Особенно сейчас, когда она так испугана, одинока и измотана.

Один-единственный батончик «Дав».

Мэри взяла мороженое, разорвала трясущимися руками упаковку, жадно откусила. Рот наполнился вкуснейшим холодным шоколадом, жирно таявшим на языке. Глазурь хрустела на зубах, внутри же было мягкое, восхитительное ванильное мороженое.

Она съела батончик. Сожрала с волчьим аппетитом.

Со слезами на глазах, Мэри потянулась к ведёрку «Бен-энд-Джерри», поставила его на двадцать секунд в микроволновку, чтобы подтаяло. Ей хотелось превратить мороженое в жидкий коктейль, в прохладный шоколадный суп, который можно выхлебать одним махом.

Микроволновка дзинькнула.

Мэри схватила ложку. Большую суповую ложку. Сняла крышку и принялась глотать жидкий шоколад, едва ощущая его вкус. Ела и плакала, облизывала дрожащие пальцы и ложку. Напоследок облизала крышку.

Хватит, приказала она себе.

Достала два больших чёрных пакета для мусора и начала методично наполнять один из них тем, чем можно было покормить детей: крекеры, арахисовое масло, мёд, рисовые хлопья, зерновые батончики, орешки кешью.

Прихватив другой пакет, поднялась на второй этаж и сложила в него наволочки, простыни, туалетную бумагу, салфетки. Особенно салфетки, которые могли заменить подгузники.

Взяла из аптечки флакончик прозака, открыла, вытрясла на ладонь желтую с зелёным капсулу, сунула в рот и запила водой из-под крана. В пузырьке остались всего две капсулы.

Подтащила оба пакета ко входной двери. Вернулась на второй этаж, вошла в ванную, затворилась. Потом встала на колени перед унитазом, подняла крышку и сунула палец в глотку достаточно глубоко, чтобы рефлекс заставил желудок освободиться от съеденного.

Затем почистила зубы, спустилась по лестнице, вышла из дома и потащила пакеты в детский сад.

– Сомневаюсь, что Пит сможет удержаться на велосипедной раме, – сказал Сэм.

– Правильно сомневаешься, – кивнула Астрид.

– Значит, надо идти пешком. Сколько сейчас? Около четырёх? Может быть, заночуем здесь и отправимся в город утром? Что скажешь, Квинн? – обратился Сэм к другу, вспомнив о его недовольном ропоте. – Остаёмся или уходим?

– Я устал как собака, – пожал тот плечами. – Кстати, у них тут есть автомат с конфетами.

В директорском кабинете был диван, на котором Астрид могла поспать вместе с Пити. Диванные подушки она отдала прихрамывающему Эдилио. Сэм с Квинном отправились искать себе место для ночлега. В лазарете обнаружили кушетки на колёсиках.

– Лови волну, чувак! – захохотал Квинн.

Сэм помедлил. Квинн же разбежался, разгоняя каталку, и запрыгнул на неё. Даже успел продержаться на ногах, пока та не врезалась в стену.

– Ладно, я тоже так смогу, – объявил Сэм.

Несколько минут они гоняли на каталках по пустым коридорам, и Сэм понял, что вполне способен смеяться. Ему казалось, что прошёл миллион лет с тех пор, когда они вместе с Квинном выбирались на сёрфинг. Целый миллион, не меньше.

Ночевать устроились в диспетчерской. Они, конечно, ничего не понимали в управлении, но чувствовали, что это самое подходящее место.

Эдилио раздобыл пять радиационных защитных костюмов, похожих на космические скафандры, каждый с капюшоном, противогазом и небольшим кислородным баллоном.

– Здорово, Эдилио, – признал Квинн. – На всякий пожарный случай, да?

– Ага, на всякий случай, – смутился Эдилио.

Квинн усмехнулся, и Эдилио торопливо добавил:

– Ты разве не согласен, что всё случившееся связано с АЭС? Взгляни на карту. Красная зона точь-в-точь совпадает с границами барьера. Может, этот Говард не так уж и не прав со своим УРОДЗ? Подозрительное совпадение, что ни говори.

– Из-за радиации не возникают барьеры и не исчезают люди, – устало сказала Астрид.

– Но ведь она смертельно опасна, разве нет? – гнул своё Эдилио.

Квинн со вздохом загнал свою каталку в тёмный угол. Спор ему наскучил. Сэм же хотел услышать, что ответит Астрид.

– Да, радиация может тебя убить, – кивнула она. – Она может убить быстро, а может – медленно. Вызвать рак или ещё какую болезнь, или ничем тебе не повредить. Кроме того, радиация вызывает мутации.

– Вроде как у той чайки, заполучившей когти ястреба? – многозначительно спросил Эдилио.

– Верно, но это занимает длительное время. Мутация – дело не одного дня, – Астрид встала и взяла брата за руку. – Мне надо уложить Пити. Не волнуйся, Эдилио, – бросила она через плечо, – до утра ты не мутируешь.

Сэм вытянулся на каталке. Астрид щёлкнула выключателем, неяркий свет диспетчерской сменился на почти темноту. Мерцали лишь экраны компьютеров и жидкокристаллические индикаторы. Сэм предпочёл бы освещение поярче, он сомневался, что сможет уснуть.

Лежа, вспоминал, как последний раз они с Квинном занимались сёрфингом. Сразу после Хеллоуина. Бледное ноябрьское солнце осталось в памяти ослепительным, чуть ли не летним, а песок на пляже и каждый камешек – будто позолоченными. В его воспоминаниях волны были чудесные, как живые. Голубые, зелёные, с белыми гребешками, они окликали Сэма, звали его забыть все печали и поиграть с ними.

Потом картинка изменилась. На вершине утёса стояла мама. Она улыбалась и махала Сэму рукой. Сэм прекрасно помнил тот день. Обычно по утрам, когда он занимался сёрфингом, она отсыпалась, но в тот день пришла на него посмотреть.

На ней была белая блузка и сине-белая, в цветочек, юбка с запахом. Волосы, много светлее, чем у сына, развевал крепкий морской ветерок, мама казалась хрупкой и ранимой. Сэм хотел крикнуть, чтобы она не подходила к краю обрыву, только мама бы его не услышала.

Он всё кричал, но она его не слышала...

Сэм резко проснулся от воспоминаний, превратившихся в сон. В диспетчерской не было окон, и он не мог понять, день сейчас или ночь. Все остальные, впрочем, ещё спали.

Сэм осторожно слез с каталки. Стараясь не шуметь, обошёл спящих товарищей. Квинн, в кои-то веки, спал спокойно и не болтал во сне. Эдилио посапывал на подушках, которые ему отдала Астрид. Сама Астрид свернулась клубочком на одном краю дивана, Пит – на другом.

Вторая ночь без родителей. Первую они провели в гостинице, эту – на АЭС. Где они окажутся завтрашней ночью?

Сэму не улыбалось возвращаться домой. Он хотел, чтобы вернулась мама, а домой не хотел.

На столе в кабинете заметил айпод. Сэм не питал оптимизма по поводу музыкальных вкусов неизвестного директора, которому, судя по семейной фотографии в рамке, было лет шестьдесят, но спать не хотелось.

Сэм прокрался мимо дивана, едва не задев руку Астрид, обогнул стол и полку с кубками, в основном, – за игру в гольф, едва слышно отодвинул кресло. Внезапно под ногами что-то мелькнуло. Крыса! Сэм отпрыгнул и врезался в застеклённую полку с кубками. Та с грохотом обвалилась.

Малыш Пити открыл глаза.

– Извини, – начал Сэм, но прежде, чем он успел выговорить следующее слово, Пит принялся верещать.

Звук был примитивным, звериным, он настойчиво повторялся и повторялся, напоминая испуганный визг бабуина.

– Всё в порядке, – сказал Сэм. – Я просто...

Внезапно у него перехватило горло. Сэм поперхнулся. Он не мог больше говорить, не мог дышать. Схватился руками за шею и почувствовал невидимые руки со стальными пальцами, сжимающие его горло, начисто лишая воздуха. Он вцепился в них, пытаясь разжать, а Пити визжал и размахивал руками, словно птица, собирающаяся взлететь.

Пити орал как резанный.

В кабинет вбежали Эдилио и Квинн.

Перед глазами Сэма заплясали красные пятна, сердце колотилось как бешеное, лёгкие конвульсивно сокращались, в бесплодных попытках вдохнуть.

– Пити, Пити, всё хорошо, – говорила Астрид, успокаивая брата, гладила его по голове и баюкала, прижимая к себе. – Стул у окна, стул у окна, стул у окна... – её глаза расширились от ужаса.

Сэм наткнулся на стол. Астрид схватила «Гейм-Бой» Пита, включила.

– Что случилось? – закричал Квинн.

– Он услышал громкий шум, – ответила Астрид. – Шум его пугает, а когда он испуган, то сходит с ума. Всё хорошо, Пити, всё хорошо, я здесь. Вот твоя игрушка.

Сэму хотелось закричать, что всё очень плохо, что он задыхается, но ему не удавалось издать ни звука. Голова закружилась.

– Эй, Сэм, ты чего? – спросил Квинн.

– Он же задыхается! – крикнул Эдилио.

– Да заткни же ты своего пацана! – взорвался Квинн.

– Он не замолчит, пока все не успокоятся, – прошипела Астрид сквозь зубы. – Стул у окна, Пити, стул у окна...

Сэм повалился на колени. Бред какой-то. Он сейчас умрёт. Сердце мучительно сжалось. Мир вокруг потемнел. Сэм вытянул руки ладонями вперёд.

И вдруг вспыхнул свет, яркая зарница, как взрыв сверхновой звезды.

Потеряв сознание, Сэм упал.

Десять секунд спустя он очнулся и обнаружил, что лежит на спине, а над ним склонились испуганные лица Квинна и Эдилио. Малыш Пит молчал, его красивые глаза не отрывались от экрана игрушки.

– Он ещё жив? – спросил далёкий голос Квинна.

Сэм резко вдохнул, потом ещё раз, и хрипло произнёс:

– Я в порядке.

– Он очнулся? – в голосе Астрид звучала тень паники, однако девочка старалась говорить спокойно, чтобы вновь не потревожить затихшего брата.

– Откуда взялся свет? – спросил Эдилио. – Ребята, вы его тоже видели?

– Такое, парень, и на Луне бы увидели, – глаза Квинна были расширены.

– Нам надо уходить, – сказал Эдилио.

– И куда же мы... – начала было Астрид, но он её перебил:

– Без разницы. Главное, – подальше отсюда.

– Это ты верно заметил, – кивнул Квинн, нагнулся и помог Сэму встать на ноги.

Голова всё ещё кружилась, ноги подкашивались. Противиться уходу смысла не было, на лицах товарищей отпечатался страх. Не время спорить или объяснять.

Не решаясь заговорить, Сэм просто ткнул в сторону двери и кивнул.

Они побежали.

Глава 13. 258 часов, 59 минут

ОНИ ПРОСТО УДРАЛИ, ничего не взяв с собой.

Впереди нёсся Квинн, за ним, сбившись в кучку, – Эдилио, Астрид и Пити. Сэм бежал последним.

Вот, наконец, и главные ворота. Остановились, тяжело дыша и уперев руки в колени. Было очень темно. Ночью АЭС выглядела совсем живой: огромный, дышащий во мраке зверь. Её освещали сотни прожекторов, из-за чего нависающие позади холмы казались ещё чернее.

– Ладно, а теперь объясните, что случилось? – спросил Квинн.

– У Пити была паническая атака, – ответила Астрид.

– Это я и сам заметил. Откуда взялся свет?

– Я не знаю, – наконец смог выдать Сэм.

– А чем ты подавился, чувак?

– Просто поперхнулся.

– Просто поперхнулся? Воздухом, что ли?

– Да не знаю я. Может... может я лунатик и хожу во сне? Сунул что-то в рот, не заметил, ну и вот.

Прозвучало на редкость неубедительно. Квинн с Эдилио скептически смотрели на него, ясно давая понять, что не купились.

– Что же, вполне возможно, – произнесла Астрид.

Это было так неожиданно, что Сэм не смог скрыть изумлённого взгляда.

– Ну, чем ещё он мог бы поперхнуться? – продолжила Астрид. – А свет... Наверное, какая-то из здешних охранных систем.

– Без обид, Астрид, но у тебя концы с концами не сходятся, – Эдилио, уперев руки в бока, встал против Сэма. – Пора тебе рассказать нам всё начистоту, старик. Я тебя, конечно, уважаю, но как тебя уважать, если ты врешь?

Его слова застали Сэма врасплох. Он первый раз увидел, как Эдилио сердится.

– Что ты такое говоришь? – Сэм всё ещё надеялся уйти от ответа.

– Что-то тут нечисто, чувак, и это что-то касается тебя, я прав? Что это за свет? Точно такую же вспышку я видел аккурат перед тем, как вытащить тебя из окна горящего здания.

– Что-что? – Квинн даже подпрыгнул.

– А то. Стена и исчезнувшие люди – это ещё не всё. Есть ещё одна странность, и она относится к тебе, Сэм. И к Астрид тоже, раз она кинулась тебя выгораживать.

Сэм с удивлением понял, что Эдилио прав: Астрид явно что-то известно. Похоже, тайны здесь имелись не только у него. Он ощутил волну облегчения, осознав, что не одинок.

– Ладно, – Сэм глубоко вздохнул и попытался привести мысли в порядок. – Во-первых, я сам не знаю, что это такое, понятно? – тихо сказал он. – Не знаю, как и откуда оно берётся. Я вообще ничего не знаю, кроме того, что иногда... возникает... возникает этот свет.

– Что ты такое несёшь, брат? – спросил Квинн.

– Я могу... – Сэм сунул свои ладони под нос другу. – Слушай, я понимаю, звучит дико, но иногда из моих ладоней льётся свет.

– Нет, парень, – Квинн издал лающий смешок. – Вот если бы ты вдруг принялся рассказывать, что лучше меня седлаешь гребень волны, это бы прозвучало дико. А то, что ты гордишь сейчас, – полное сумасшествие. Бред, понимаешь? Ну-ка, покажи, как ты это делаешь?

– Я понятия не имею, как это делаю, – признался Сэм. – Оно случилось четыре раза, но я не представляю, как вызвать свет.

– Ты четыре раза пулял лазером из рук? – Квинн, видимо, не знал, смеяться ему или плакать. – Мы знакомы с тобой полжизни, и теперь выясняется, что ты у нас Джордан-Зелёный-Фонарь. Хорошие дела.

– Это правда, – сказала Астрид.

– Брехня. А если, правда, тогда просто сделай это, Сэм. Покажи мне.

– Говорю же, что это случается, только когда я пугаюсь или что-то в этом роде. Я тебе не могу показать, оно происходит само.

– Ты сказал «четыре раза», – задумчиво произнёс Эдилио. – Я видел вспышку во время пожара и вот только что. А когда были первые два раза?

– У меня дома. Оно случилось... то есть, я сделал... свет. Что-то вроде лампочки. Было очень темно, мне приснился кошмар, – Сэм встретился глазами с Астрид, и внезапно в голове зажглась ещё одна «лампочка». – Ты всё видела! – обвиняюще вскричал он. – Видела свет в моей комнате. Ты давно всё знаешь.

– Да, – созналась Астрид. – О тебе я узнала вчера, а о Пити – ещё раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.